

Тамара Крыкова

ЖЕНЬКА МОСКВИЧЁВ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Тамара Крюкова

Женька Москвичев и его друзья

ПРОЛОГ

Если бы Женьку Москвичёва и Лёху Потапова сложить, а потом разделить пополам, то получилось бы два в меру толстых, в меру тонких, в меру тихих, в меру бойких, в меру слабых, в меру стойких — в общем, два обыкновенных средних ученика обыкновенной средней школы. Впрочем, каждый по отдельности они вовсе не были середнячками и представляли собой полную противоположность друг другу.

На физкультуре рослый крепыш Лёха стоял во главе шеренги. Маленький, щуплый Женька, напротив, замыкал её. Физкультура была единственным предметом, с которым он был не в ладах. По всем остальным дисциплинам Женька был круглым отличником, хотя к его худосочной комплекции меньше всего подходило слово «круглый».

Лёха был троечником, но не круглым. Учитель физкультуры часто отличал его и ставил пятёрки. Лёха был не обижен силой, но не лез в драку. Степенный и неторопливый, он не любил попусту махать кулаками. Зато Женька был отъявленным задирой. Он не мог и минуты усидеть на одном месте и то и дело нарывался на неприятности.

Лёха был тугодумом, однако Женькиной сообразительности с лихвой хватало на двоих. Женька слыл самым «идейным» человеком в школе. Он читал всё подряд, и от этого в его голове всегда роилось множество идей. Из него так и фонтанировали разные изобретения.

В общем, если бы Женьку Москвичёва и Лёху Потапова сложить, а потом разделить пополам... Но так как наука ещё не научилась делить мальчишек, Женька и Лёха были неразделимы.

СТРАЖИ ПОРЯДКА

Счастье свалилось на Женьку и Лёху, как это всегда бывает, совершенно неожиданно. Они сидели во дворе и размышляли, чем бы заняться, когда увидели местную знаменитость — Жорика. Жорик был большим человеком: во-первых, он уже перешёл в десятый класс, во-вторых, он ходил в клуб авиамоделлистов и, в-третьих, и самых главных, на всероссийской выставке авиамоделей он получил диплом с золотыми буквами и печатью.

У Жорика в руках был красивый, новенький планер. При виде модели у Женьки с Лёхой от восторга, что называется, в зобу дыханье спёрло. И что удивительно, Жорик направлялся прямо к ним.

— Ребята, не присмотрите за планером, пока я в магазин сбегаю? — спросил Жорик.

Вопрос прозвучал музыкой в ушах неразлучных друзей. Неужели Жорик в самом деле

оставит планер на полное их попечение? Это было круто. Женьку прямо-таки распирало от гордости.

— Какой разговор? Можешь на нас положиться. Муха не сядет. Лёха вообще прирождённый бодигард. Лёх, покажи бицепс. — Женька с энтузиазмом ширнул друга в бок.

— Ладно, культуристы. Надеюсь, бицепсы вам не понадобятся. Я по-быстрому, — улыбнулся Жорик, водружая планер на скамейку.

— Можешь не торопиться. Мы его будем изо всех сил охранять, — заверил его Женька.

Жорик ушёл, и друзья принялись охранять планер изо всех сил, но вскоре Женька понял, что делать это не так-то просто, а точнее — совсем не просто, потому что охранять его было решительно не от кого. Это было непредвиденное осложнение. Подумать только, охранять планер по поручению самого Жорика — и чтобы ни одна живая душа об этом не знала! Но возмутительнее всего было то, что Лёха сидел с таким преспокойненьким видом, как будто его вовсе не волновало, хорошо они охраняют планер или нет.

— Ну чего ты на этот планер уставился? Нас его охранять поставили, а не глазеть на него, — наконец не выдержал Женька.

— А чего его охранять? Сиди себе и жди, пока Жорик придёт.

— Ха! Так охранять каждый дурак может. Это вовсе даже не охрана!

— Почему?

— Да потому, что охранять надо обязательно от кого-нибудь, а что никому не нужно, то и охранять незачем. Усёк?

— Ну, — покорно кивнул Лёха.

Ребята посидели ещё минутку.

— Эх, только зря время теряем, — сокрушался Женька. — Скоро уже Жорик придёт.

И тут ему повезло. Он увидел, как из подъезда соседнего дома вышла Майка — первая болтушка в классе. Она тащила за собой брата, щекастого карапуза, чем-то похожего на неё. Конечно, интереснее было бы охранять планер от кого-нибудь из мальчишек, но выбирать не приходилось.

— Сейчас начнём от Майки охранять! — оживился Женька.

— Нет, она брата на детскую площадку поведёт, — резонно заметил Лёха.

К Женькиному глубокому огорчению, Лёха оказался прав. Не удостоив друзей вниманием, Майка направилась напрямик в сторону песочницы. Однако Женька не растерялся.

— Ничего. Нельзя ждать милостей от природы. Надо брать их своими руками. Сейчас как миленькая прибежит! — сказал он и во всю глотку крикнул: — Майка, эй ты! Привет!

— Привет, — отозвалась Майка и даже не посмотрела в их сторону.

«Вот вредина!» — мысленно возмутился Женька. Теперь привлечь внимание Майки было для него делом принципа.

— Гуляешь, что ли? — крикнул он ей вдогонку.

— А что, нельзя?

— Гуляй, гуляй, только учти, сюда подходить запрещено.

Майка остановилась.

— Почему это?

— По кочану, — объяснил Женька и, чтобы Майке было ещё понятнее, добавил: — Нельзя, и всё тут!

После таких объяснений случилось именно то, что предсказывал Женька. Майка решительно повернула в их сторону и потащила за собой упирающегося карапуза, который всей душой стремился строить из песка кулича.

— Подумаешь, раскомандовался. А может, мне тут нравится, — заявила она.

— Кому говорят, не подходи, — без особой угрозы предупредил Женька.

— Ага, разбежалась. Сейчас шнурки поглажу. Вы этот двор закупили, что ли? — съехидничала Майка, подходя ближе.

— Не закупили, а объект охраняем, — важно произнёс Женька и как бы ненароком сдвинулся в сторону, чтобы был виден планер.

— Чего, чего? — с вызовом спросила Майка и осеклась.

Она увидела «объект», и её глаза округлились от удивления.

— Ой, какой клёвый! Ванечка, смотри, самолётик! — воскликнула она и прибавила шагу, тем более что карапуз яркий планер тоже заинтересовал и теперь его не надо было тащить насильно.

— Да уж, нехилая модель. Только руками не трогать, — грозно предостерёг Женька и добавил: — И вообще вали отсюда. Ходят тут всякие, а нам, между прочим, Жорик сказал: никого близко не подпускать. Он только нам доверяет. Так что двигай попом, чеши хип-хопом.

— Грубиян! — обиделась Майка.

— Ой, Лёха, держи меня, а то я упаду. Бельё меня воспитывает. Как там тебя, майка или трусы?

— А ты... А ты... — Майка пыталась найти обзывалку пообиднее. — А ты Женька-шимпанзенька!

— Не в склад, не в лад! Поцелуй корову в зад. И вообще такого зверя не бывает! — Женька заплясал на одной ножке.

— Зато уроды бывают, вроде тебя, — не осталась в долгу Майка.

В общем, охрана получалась что надо! Крутая охрана! Пока Женька и Майка обменивались мнениями, карапуз почувствовал себя на свободе. Он подошёл к планеру и схватил его за хвост.

— Эй, он его взял!

Лёха толкнул в бок Женьку, который был так занят перепалкой, что не замечал, что творится

вокруг.

— Кого? — буркнул Женька, недовольный, что его отвлекают.

— Планер, — сказал Лёха.

Теперь Женька тоже увидел, что малыш с довольным видом держит новую игрушку.

— Что же ты молчишь?! — накинулся Женька на Лёху.

— А я и не молчу. — Лёха пожал плечами.

Сочтя, что лучше вести переговоры напрямую, Женька как можно внушительнее обратился к карапузу:

— Положи самолёт на место. Его брать нельзя.

Малыш, видимо, был иного мнения. Поняв, что игрушку у него собираются отнять, он сильнее прижал планер к себе.

— Что же ты, раззява, за своим ребёнком не смотришь! — набросился Женька на Майку.

— Вы бы сами лучше за своим планером смотрели, спецназ сушёный, — взъерепенилась Майка и засюсюкала: — Ванечка, ты же хороший мальчик? Положи самолётик.

Ванечка ухватился за планер, всем своим видом показывая, что лестью его не купишь.

Нужно было принимать решительные меры. Женька скомандовал:

— Лёха, давай я ему руки разожму, а ты вытаскивай планер.

Сказано — сделано. Женька вцепился в карапуза, Лёха — в планер, карапуз заревел. Майка с криком: «Сейчас же отпусти его!» — бросилась на спасение брата. Образовалась куча мала. Скоро было не разобрать, кто в кого за что вцепился и куда тащит. И тут раздался треск...

Когда прибежал Жорик, охранять было уже нечего. Вернее, то, что осталось от планера, можно было не охранять. Жорик увидел обломки, и по выражению его лица Женька с Лёхой поняли, что двор — не то место, где бы им сейчас хотелось находиться.

Не разобравшись, что к чему, Жорик пообещал накостылять виновному и тут же выполнил своё обещание. Причём виновным оказался Лёха, потому что бегал он гораздо медленнее Женьки.

Позже друзья сидели в укромном месте за домом. Лёха прикладывал ко лбу монету.

— Теперь ещё шишка вскочит, — угрюмо сказал он.

— Шишка — это пустяки! Это пройдёт.

Мне от несправедливости больно, — рассуждал Женька, отчаянно жестикулируя.

— Угу, — кивнул Лёха, а Женька продолжал:

— Ведь всё из-за этой Майки. Я же ей человеческим языком говорил: «Не подходи». А она ещё этого Ваньку-встаньку с собой приволокла. И ей как с гуся вода. Вот что обидно и больно!

Лёха потрогал набухающую на лбу шишку и подумал, что лучше бы ему было больно от несправедливости. Он бы потерпел.

ДЕЖУРСТВО

С нового учебного года у Лёхи и Женьки ввели кабинетную систему. Каждый предмет изучали в специальном кабинете, а на переменах приходилось переходить с места на место. Может, кто и считал, что это не очень удобно, но Женька сразу понял, какие большие перспективы открывает кочевая жизнь. Мало того что, если опаздывал на урок, всегда находилось объяснение: мол, не сразу нашёл класс. Вдобавок в каждом кабинете было много интереснейших штук.

В среду Женька и Лёха дежурили по классу. Нельзя сказать, что Женька любил дежурить, но сегодня ему не терпелось приступить к своим обязанностям, потому что первым уроком по расписанию стояла биология, а Женька уже давно нацелился обследовать биологический кабинет. Это был самый интересный кабинет в школе, если не считать кабинета химии. Чего тут только не было: и аквариум с рыбками, и клетка с хомяками, и даже настоящий скелет из пластмассы. К тому же сегодняшнее дежурство таило в себе и другие скрытые достоинства. Женьке уже недели две нравилась Синицына, но, кроме как дёрнуть её за косу или выбить из рук портфель, повода к общению не представлялось. И вот Женьке улыбнулась удача. Он знал, что Синицына хочет покормить хомячков, поэтому накануне в разговоре как бы невзначай обмолвился, что дежурит в кабинете биологии.

— Приходи, так и быть, тебя впусти. Только учти, больше никого не притаскивай, — щедро предложил он.

Женька явился в школу ни свет ни заря и тотчас побежал в учительскую за ключом от кабинета.

Он нервничал. Интересно, придёт или нет? От этих девчонок всего ожидать можно. Дверь открылась, но, к Женькиному разочарованию, в кабинет вошёл Лёха.

— Чего это ты меня не дождал? Я за тобой зашёл, а твоя мать говорит: «Он уже в школе».

Женьке не очень хотелось обсуждать этот вопрос, поэтому он ловко перевёл разговор на другую тему:

— Смотри, чего это тут треугольник валяется? Он же из кабинета математики. Здоровый какой. Голова пролезет.

— Не, не пролезет, — отмахнулся Лёха.

В этот момент дверь распахнулась, и вошла Синицына.

— Привет, мальчики. Чем занимаетесь? — спросила она.

— Да вот, у нас тут спор вышел — слабо голову в треугольник просунуть или нет, — объяснил Женька.

Синицына оценивающе посмотрела на треугольник и заявила:

— Слабо. Уши не пролезут.

— Вот и я говорю, что он маленький, — подтвердил Лёха, воодушевлённый поддержкой Сеницыной.

Теперь Женька просто обязан был доказать свою правоту, чтобы Сеницына видела, на чьей стороне истина.

— На спор, пролезут! Спорим на поход в «Макдоналдс»!

— А деньги откуда возьмёшь? — усмехнулась Сеницына.

— Моё дело. Ну, давай! — Женька всучил треугольник Лёхе.

— Если тебе деньги девать некуда... — пожал плечами Лёха и, взяв треугольник, без особого энтузиазма попытался надеть его на голову.

Как и следовало ожидать, треугольник был слишком узок и не надевался, но неудача Женьку не испугала. В нём проснулся азарт спорщика, и не мудрено. Ладно бы ещё они были один на один с Лёхой, но потерпеть поражение при Сеницыной!

— Ты нарочно не стараешься. По-честному надевай! — распалился Женька и стал помогать Лёхе просунуть голову в треугольник.

Бедный Лёха выпучил глаза и, тщетно пытаясь отбиться от ретивого помощника, вскричал:

— Ты, что ли, с ума сошёл? Ты мне все уши оборвёшь!

И тут настал момент Женькиного триумфа. Лёхина голова проскользнула в дырку треугольника безо всякого урона ушам. Женька ликовал.

— Что я говорил! — воскликнул он, с видом победителя поглядывая на Сеницыну.

— Только учти, я тебе «Макдоналдс» не обещал, — напомнил Лёха.

Но он напрасно беспокоился. Женька был не из тех, кто добивает поверженных. Ему было достаточно моральной победы в споре. К тому же Сеницына должна видеть, какой он благородный, поэтому Женька великодушно сказал:

— Ладно, я и не требую.

Успокоившись, что в «Макдоналдс» ему никого вести не придётся, Лёха принялся снимать треугольник, но не тут-то было. Лёха вертел противную деревяшку и так и сяк — всё напрасно.

— Ну чего ты там с ним возишься? — спросил Женька.

— Попробовал бы ты его снять. У меня уши не пролезают, — пожаловался Лёха.

— Опять твои знаменитые уши! — рассмеялся Женька. — Если они туда пролезли, значит, и оттуда вылезут. Закон логики.

Скоро Лёха на собственном опыте убедился, что у каждого закона есть исключения. Конечно, по всем правилам голова должна была пролезть в дырку, но, не повинаясь никаким правилам и законам, уши не пролезали.

Близилось начало уроков. В коридоре слышался топот и голоса тех, кто не любил опаздывать и загода являлся в школу.

— Сейчас ребята придут, — забеспокоилась Сеницына.

— Давайте я пока класс закрою, — предложил Женька.

Он запер дверь на ключ и тоже включился в операцию по освобождению друга. Вся троица упрямо пыхтела над нелёгкой задачей.

— Больно же! — стонал потный, взъерошенный Лёха, отбиваясь от помощников.

— Терпи, сейчас снимется. Туда он тоже туго шёл. Чего ты нос выставил! Убери! — деловито командовал Женька.

— А куда же я его уберу? — обиженно сопел Лёха.

Женька с остервенением рванул треугольник.

— Ты что, сдурел?! Ты так с меня скальп снимешь, — не своим голосом завопил Лёха.

— Мальчики, тихо, — пыталась успокоить их Сеницына.

В дверь требовательно постучались, и донёлся голос учительницы естествознания:

— Что вы там делаете? Откройте сейчас же дверь!

Дело оборачивалось нешуточно. Как всегда, в критический момент Женька мгновенно оценил ситуацию и принял решение.

— Залазь в шкаф.

Лёха приоткрыл дверцу встроенного стенного шкафа и заглянул внутрь. На верхних полках лежали цветные таблицы и муляжи, а внизу стояло ведро с тряпками и валялся веник. Было тесновато, но выбирать не приходилось. Не показываться же на глаза Таисии Ивановне в таком виде. Лёха вздохнул и полез в шкаф.

— Не волнуйся. Как только училка уйдёт, мы тебя сразу выпустим, — успокоил его Женька.

— А если не уйдёт? — с опаской спросил Лёха и попятился назад.

— Не мандражируй. Чего ей в классе торчать?

В это время Сеницына, которая, ни жива ни мертва от страха, топталась возле двери, взмолилась громким шёпотом:

— Мальчики, ну давайте же сделайте что-нибудь.

Женька с укором посмотрел на Лёху.

— Мужайся, Лёха. Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя её к директору потащили.

Лёхе не хотелось, чтобы Сеницыну потащили в кабинет директора. Но ещё больше ему не хотелось оказаться там самому. И он решился. Залезая в шкаф, Лёха надеялся, что биологичка заглянет в класс и, убедившись, что всё в порядке, уйдёт.

Женька отпер дверь. Таисия Ивановна зашла в кабинет с таким решительным видом, что стало ясно: в ближайшее время уходить она не собирается.

— Зачем вы заперли дверь? — строго спросила учительница.

Женька знал, что Сеницына совсем не умеет врать. Если она проговорится — конец. Призвав на помощь всё своё красноречие, Женька преданно посмотрел в глаза учительнице и отрапортовал:

— Мы тут хомяков кормили. Только Сеницына совсем ни при чём. Она даже и не хотела вовсе. Она говорит: «Не надо, Таисия Ивановна не разрешает». А я заладил: «Давай покормим, давай покормим». Так что Сеницына не виновата. Наказывайте меня.

Он так трагически склонил голову в ожидании кары, что учительница просто не могла не оценить его благородства. Она улыбнулась и снисходительно кивнула:

— Ладно, джентльмен, на первый раз прощаю. Но больше этого не делайте. Их нельзя перекармливать, иначе можно только навредить.

Лёха сидел в шкафу в ожидании, когда его выпустят из заточения, с тоской вслушиваясь в гомон голосов. Класс заполнялся ребятами. Скоро начнётся урок. Но Лёха не терял надежды, что Женька придумает, как его освободить. И тут раздался звонок. Ждать дольше было нельзя. Лёха толкнул дверь и с ужасом понял, что заперт. Только теперь узник в полной мере осознал трагизм своего положения. Ему не оставалось ничего другого, как сидеть весь урок в шкафу.

Лёхе повезло, что в двери была замочная скважина. Обзор, который предлагало это единственное оконце, связывающее его с внешним миром, был весьма жалким, но, к своей радости, Лёха обнаружил, что за партой, стоящей как раз рядом со шкафом, сидит Женька с Сеницыной. Конечно, это мало помогало ему в теперешнем положении, но всё-таки как-то обнадёживало.

Таисия Ивановна сделала переключку.

— А почему нет Потапова? — спросила она.

У Лёхи сжалось сердце. Казалось, никогда ещё ему так мучительно не хотелось присутствовать на уроке. Он услышал голос Женьки:

— Он к врачу пошёл. У него уши болят.

Уши у Лёхи и правда болели. Но не настолько, чтобы он не услышал, как учительница с сомнением проговорила:

— А мне казалось, что я его сегодня видела. Может, он приболел оттого, что я наметила его спросить?

Когда Лёха услышал о планах Таисии Ивановны, его желание посетить урок сильно поколебалось. Во всяком случае, неизвестно, что лучше — иметь в журнале «нб» или двойка. Теперь Лёхе было немного легче смириться со своим незавидным положением. Он притулился к стенке и стал ждать.

Казалось, урок тянется целую вечность. Лёха сидел, согнувшись в три погибели. Ноги у него затекли, шею ломило. Он попробовал пошевелиться и расправить плечи, но задел головой полку. Один штырёк, поддерживающий её, расшатался и держался на честном слове. Лёха осторожно отодвинулся назад, и в этот момент небольшой кусок штукатурки возле штыря отвалился от стенки, полка хрястнула и опустилась прямо Лёхе на плечи. К счастью, звук был не очень громкий. Но главное, что, услышав шум в шкафу, Женька не растерялся. Он сбросил на пол учебник, так что, повернувшись к классу от доски, Таисия Ивановна встретилась с его невинным взглядом.

— Простите, я нечаянно, — искренне сказал он.

Молча покачав головой, биологичка продолжала рисовать на доске схему круговорота воды в природе. Стоило ей отвернуться, как Женька бросил в сторону шкафа испепеляющий взгляд. И о чём там только Лёха думает!

А Лёха думал о том, чтобы устоять. Он уже не сидел, как барон, развалившись на венике, а, скрючившись, стоял и, подобно античному атланту, плечами поддерживал злосчастную полку. Силы героя быстро иссякали, и он понимал, что до конца урока ему никак не дотянуть. И тут в шкафу раздался грохот.

На этот раз нужно было бы уронить по меньшей мере с десяток учебников, да ещё хорошенько по ним наподдать, чтобы звук выглядел правдоподобно.

Взгляд Таисии Ивановны ничего хорошего не сулил.

— Что там в шкафу? Лена Синицына, ну-ка открой, — сказала она.

Синицына поднялась и на трясущихся ногах шагнула к шкафу. Она открыла створку, и зрелище, представшее её взору, до конца дней запечатлелось у неё в памяти. Перед ней было лицо, вернее, даже не лицо, а то, что от него осталось. Скальпа не было, а вместо кожи зияли кровавыми ранами мышцы.

— Скальп снял... — прошептала она и стала медленно сползать на пол.

Только после того, как Синицыну откачали, открыли дверцу другой половины шкафа, где под таблицами был погребён Лёха. Потом Женька доказывал, что Лёха — самый настоящий везунчик, ведь мало того что он не ушибся, так ещё и треугольник разломился на две части.

Может быть, насчёт везения Женька был прав, потому что, когда Лёха увидел муляж человеческой головы с открытыми мышцами, он понял: ему в самом деле посчастливилось, что он не оказался рядом с таким ужасом в соседней половине шкафа.

Правда, в кабинете директора фортуна Лёхе изменила, но Женька успокоил друга:

— Не бери в голову, Лёха. Всё плохое когда-нибудь кончается. Жалко, конечно, что биологичка пригрозила, что на пушечный выстрел нас к кабинету не подпустит. Но ничего. Я на следующей неделе на уборку кабинета химии записался.

ЧЕЛОВЕК НОВОГО ТИПА

Наступили суровые времена: Лёха взялся за ум. Всё началось с того, что папа, придя с очередного родительского собрания, сурово сказал:

— Не умеешь заниматься хорошо, занимайся много. Стыдно на собраниях сидеть.

— Вот Женя — круглый отличник, а нашему только по улице гонять, — поддакнула мама.

Честно говоря, поначалу Лёха не расстроился. Он думал, что родители поругают его немного, как это принято после родительского собрания, и на том дело закончится. Учился-то он нормально: в четверти ни одной двойки, всё честно заработанные, твёрдые тройки, а по физкультуре даже пятёрка. Но не тут-то было. Папа взял с него слово, что он будет выходить на улицу только после того, как выучит все уроки, и Лёха засиживался над учебниками

допоздна.

Казалось, никогда ещё им не задавали так много.

«Ничего, вот зачухну без воздуха, тогда ещё спохватятся, да поздно будет», — мстительно думал Лёха. Время от времени он подходил к зеркалу и проверял, не показались ли признаки измождённости на его лице, но, к его величайшему огорчению и разочарованию, на круглой розовощёкой физиономии не было и тени истощения.

В первый день Лёхиного затворничества к нему забежал Женька.

— Крепись, Лёха, что-нибудь придумаем, — успокоил он друга.

Лёха понимал, что ничего тут не придумаешь, но от поддержки ему всё-таки было легче, а когда и Женька куда-то исчез, Лёхе стало совсем невмоготу. Наконец на шестой день, как раз когда Лёха начал подумывать, что житейские невзгоды могут сломить даже очень сильного человека, Женька объявился.

— Ну что, учишься? — спросил он и по-хозяйски плюхнулся на диван.

— Да уж, не гуляю, как некоторые, — укоризненно сказал Лёха.

— Это я, что ли, гуляю? Да я, между прочим, изо всех сил для тебя стараюсь. Специально статью нашёл. Вот, тут говорится, что ты сейчас занимаешься никому не нужной ерундой. — Женька потряс в воздухе листами, вырезанными из какого-то журнала. — Тут наукой доказывается, что от твоего сидения за уроками никакой пользы — один только вред!

— А то я без твоей науки не знал, что от этого один вред. Я думал, ты и правда что-нибудь дельное скажешь. Тоже мне открытие! — разочарованно протянул Лёха.

— А вот и открытие. Техника быстрого чтения! Ты, например, знаешь, что чем человек быстрее читает, тем он больше запоминает?

— А мне-то что с того? — спросил Лёха.

— Как что? Это же прямо про тебя сказано. Вот если бы ты быстрее уроки делал, то и учился бы лучше. Ты ведь жертва собственной усидчивости, сечёшь?

Как ни крути, а Женька был прав. Сам-то он уроки за полчаса делал и учился на одни пятёрочки. А быть жертвой своей усидчивости даже обиднее, чем быть жертвой собственной лени. Это Лёха понял сразу.

— Как же я уроки быстрее сделаю, когда задают вон сколько?

— Спокойно. Я всё продумал. С сегодняшнего дня будем делать из тебя человека нового типа. Ультрарапид, — заявил Женька.

— Чего, чего? — не понял Лёха.

— Сверхскорость, значит. Через месяц круглым отличником будешь.

— Ну да? — Лёха с недоверием посмотрел на журнальные листы.

— Точно. Сам увидишь. Будем заниматься по системе. Тут всё описано.

— А вдруг у меня не получится?

— Не волнуйся, главное начать. Бери учебник и запомни первое правило. — Женька вслух прочитал: — «Текст любой трудности читать только один раз».

— Почему? — спросил Лёха.

— Для скорости. Так что, даже если тебе очень захочется урок ещё раз прочитать, ну распирает прямо, крепись и второй раз ни за что не читай, а то ничего не получится.

С этим правилом у Лёхи было всё в порядке. Сколько он себя помнил, ему в жизни никогда не хотелось прочитать урок второй раз.

— Вот видишь, а ты боялся. Я же говорил, у тебя получится. Ты способный, — похвалил Лёху Женька.

Первая удача окрылила Лёху, но со вторым правилом возникли осложнения. Оказалось, что читать надо всю страницу сразу, сверху вниз. После Женькиных пояснений Лёха уставился на середину строчки и повёл глазами вниз, но из этого ничего не получилось.

— Как же я могу читать, если я ни начала, ни конца строчки не вижу? — недоумевал Лёха.

— А боковое зрение тебе на что? — спросил Женька.

— Какое ещё боковое зрение?

— Очень простое. Сиди так и не оборачивайся. Говори, что я сейчас делаю? — Женька отбежал в сторону и начал махать руками.

— Ну руками машешь.

— Как же ты видишь, что я руками машу, если ты на меня не смотришь? — Женька посмотрел на Лёху с таким видом, словно он его в чём-то уличил, и продолжил: — Вот и со страницей так. Тебе только кажется, что ты её не видишь, а на самом деле ты всё видишь, только боковым зрением.

— А что толку? Ведь прочитать я всё равно не могу. Я ж ничего не понял, — сказал Лёха.

— Это потому, что она у тебя сразу закодированная в мозг идёт. В журнале так и написано. Сначала ничего не понимаешь, зато потом поймёшь, — авторитетно заявил Женька.

Когда Лёха убедился, что обучение идёт по правилам, он немного успокоился, но червь сомнения всё-таки глодал его.

— А вдруг я этот закодированный текст потом не вспомню?

— Так ты для верности его ещё взглядом сфотографируй, как разведчики. Сосредоточься и смотри на него минуту, а я время засеку, — предложил Женька.

— Скажешь тоже, минуту. Я и так на него уж сколько смотрел, — недоверчиво проворчал Лёха.

— Так это ты просто так глазел, а ты смотри пристально. Давай, засекаю!

Лёха вытаращил глаза и уставился на страницу учебника.

— Сфотографировал? — через минуту спросил Женька.

— По-моему, не очень.

— Ничего, это мгновенное забывание. Про него тут тоже написано. Главное, не волнуйся. В критический момент у тебя всё само собой в памяти всплывёт и безо всяких усилий вспомнится, — пообещал Женька.

— Ты думаешь? — с сомнением спросил Лёха.

— Это не я думаю. Это передовая научная мысль.

С этого дня Лёха впервые почувствовал, что наука работает на его благо. Теперь он не засиживался за уроками, как раньше. Стоило ему просмотреть параграф сверху вниз и для верности сфотографировать взглядом, как он был свободен, а вечером честно рапортовал родителям, что уроки сделаны. Целых две недели он с наслаждением вкушал плоды науки, пока однажды не наступил критический момент.

Когда на уроке истории он услышал свою фамилию, то по старой привычке занервничал, но Женька ободряюще кивнул, и Лёха воспрянул духом. Он медленно вышел из-за парты и очень медленно пошёл к доске, чтобы домашнему заданию было время вспомниться, но, к своему ужасу, понял, что ничего само собой в его голове не всплывает.

— Что же ты молчишь, Потапов? — спросила Нина Петровна.

— Это он сосредотачивается, — с места заступился за Лёху Женька.

Лёха с благодарностью посмотрел на друга. Тот жестами показывал: давай, давай. А чего там показывать? Лёха и сам с удовольствием выдал бы, если бы ему было что. Урок предательски не вспоминался. Когда Лёха понял, что ждать ему придётся слишком долго, пока всё всплывёт само собой, он стал про себя приговаривать: «Это критический момент. Момент критический». Но и это не помогло.

— Так, значит, урока ты сегодня не знаешь, — сказала Нина Петровна, и Лёха понял, что это последний шанс что-нибудь ответить. И он ответил.

— Я учил, — сказал Лёха таким трагическим голосом, что Нина Петровна просто не могла не задать ему наводящие вопросы.

— Ну хорошо, — сказала она. — Кто командовал русским флотом во время русско-турецкой войны?

И тут Лёха вспомнил. Сама собой, безо всяких усилий перед его мысленным взором всплыла картинка из учебника, на которой был изображён портрет адмирала с орденами и с подозрительной трубой. Лёха так отчётливо представил себе эту страницу с портретом в верхнем левом углу, как будто видел перед собой фотографию, но весь ужас был в том, что на подпись под фотографией мысленного проявителя уже не хватило. Она так расплывалась, что разобрать её не было никакой возможности.

Лёха посмотрел на Женьку и сделал страшные глаза. Женька понял, что в их системе обучения произошла осечка. Надо было срочно выручать горемыку. И он показал на свои уши.

Лёха просиял. Ну конечно, теперь он и сам вспомнил, что фамилия этого адмирала была связана с ушами. Он ещё давно хотел ему для наглядности уши пририсовать, но не успел, потому что стал ультрарапидом и времени на то, чтобы засиживаться над уроками, у него не было.

Лёха бойко выпалил первую ушастую фамилию, которая сама собой, безо всяких усилий

всплыла в его памяти:

— Адмирал Ушинский.

— Кто-кто? — переспросила Нина Петровна таким тоном, что Лёха сразу понял, всплыло что-то не то. Он в отчаянии взглянул на Женьку ещё раз. Женька с такой силой колотил себя по ушам, как будто хотел, чтобы они совсем отвалились.

— Пьер Безухов, — отчеканил Лёха.

Что тут началось! Класс буквально взорвался от хохота. Все прямо животики надорвали, как будто им показывали три кинокомедии сразу. И что обиднее всего, вместе со всеми смеялся Женька.

Конечно, Лёха вспомнил, что Пьера Безухова он в кино про «Войну и мир» видел, и тот не только не был адмиралом, но вообще не был военным. Только теперь это было всё равно.

Вернувшись на своё место, Лёха открыл учебник. С верхнего левого угла страницы на него глядел портрет адмирала с орденами и с подзорной трубой, под которым было чётко напечатано: «Ф. Ф. Ушаков».

На этом Лёхины злоключения не кончились. В критический момент на литературе он вспомнил первую строчку стихотворения, а на русском языке рамочку, которой было обведено заданное на дом правило.

По дороге домой Женька успокаивал друга:

— Это оттого, что ты недостаточно натренировался. Вот позанимаешься по системе ещё пару недель, и всё чётко вспоминать будешь.

Но заниматься по системе Лёхе не дали. Теперь каждый день после работы папа не просто спрашивал: «Уроки выучил?»- а проверял, как он их выучил. А жаль. Ведь ещё немного, и Лёха мог бы стать человеком нового типа.

СЛАВА

Женщины существа бесчувственные. Женька понял это на собственном опыте. В последние дни Лена Сеницына, которая нравилась ему уже целый месяц, смотрела на него вообще как на пустое место. Сначала Женька не придавал этому значения и попробовал испытанные способы обратить на себя внимание: пулял в неё жёванной бумагой из трубки, дёргал за косу, но, вместо того чтобы в ответ стукнуть его книжкой или ещё как-нибудь по-человечески ответить на его душевные порывы, Сеницына красноречиво повертела пальцем у виска и заявила:

— Дурак ты, Москвичёв. У тебя ума только на такие глупости хватает. Лучше бы делом занялся, как другие.

После этой тирады Женька понял, что у него есть соперник. Неспроста в последнее время Ленка то и дело трещала о Вадике Груздеве, с которым училась в музыкальной школе, что он талантливый и что будет учиться в консерватории. Стоило Женьке постичь истину, как он почувствовал непреодолимую неприязнь к юному дарованию. «Тоже мне, вундеркинд пузатый. Тюфяк занюханый», — сердито подумал Женька. По правде говоря, сам он тоже был далеко не культурист. Но понял главное: для Сеницыной важна слава, а не человек.

За обедом Женька включил стоящий на столе приёмник. Кухня наполнилась звуками фортепьянной музыки. «И дома покоя нет», — мрачно подумал Женька, выключил радио и тут из окна увидел, как Синицына с огромной нотной папкой прошествовала в музыкальную школу. Казалось, все только и думали о том, чтобы лишить Женьку душевного покоя.

Выход был один — прославиться. Женькино воображение заработало. Особенно ярко представилось, как Ленка раскается, что предпочла ему толстяка Вадика, и будет просить прощения, а он даже не посмотрит в её сторону. Женька так чётко увидел сцену унижения Синицыной, будто это случилось наяву, но когда он попытался придумать хотя бы один способ стяжать себе славу, в голову ничего не приходило.

Пока Женька бился над этой нелёгкой задачей, ему на глаза попалась кипа рекламных проспектов и журналов, которые они с папой принесли с выставки компьютерной техники. Женька набрал всего, что давали. Он не слишком задумывался зачем, решив, что дома разберётся. Сейчас было самое время этим заняться. Женька бегло пролистывал буклеты, отбрасывая в сторону все, где не было картинок и описаний игр. Просмотрев очередной журнал, он уже собирался отбросить его в кучу другого бумажного мусора, как вдруг его внимание привлекла подпись под статьёй: Евгений Москвичёв.

«Надо же, тёзка», — подумал Женька, и в этот самый момент на него снизошло озарение. Вот она — слава! План начал обретать реальные черты. Женька попытался вникнуть в статью, но, ничего не поняв, решил, что это совсем не важно. Никто из класса и подавно не поймёт.

«Посмотрим, как Синицына запоёт, когда узнает, что я компьютерный гений», — с триумфом думал он. Чем больше Женька размышлял о задуманном, тем больше входил в роль. Наконец ему в самом деле стало казаться, что именно он автор умных статей для научных журналов.

На следующий день Женька явился в школу и с глубокомысленным видом уселся на своё место. Прямо перед ним заманчиво маячила коса Синицыной, будто просила за неё дёрнуть, но Женька не поддавался искушению. Он глубоко вздохнул, чтобы обратить внимание на свою задумчивость, но Ленка и ухом не повела.

— Вот проблема! — сказал Женька, словно размышляя вслух, и опять вздохнул.

— Что ты там бормочешь? — обернувшись, спросила Синицына.

— Тебе не понять.

— Куда уж нам, серым, — усмехнулась Ленка.

— Да уж, это не для средних умов. Разрабатываю новую антивирусную программу, — важно заявил Женька и, не удержавшись, добавил: — Это тебе не на пианино бренчать.

— Тоже мне программист. Кому нужна твоя программа! — презрительно фыркнула Ленка.

— Кому надо, тому и нужна. Мне для журнала заказали, — как бы невзначай сказал Женька.

— Трепло, — бросила Ленка.

— В своём отечестве пророка нет, — изрёк Женька.

— У тебя что, с головой не всё в порядке?

— Гениальность — это разновидность сумасшествия, — продолжал он сыпать афоризмами.

— Точно, больной, — покачала головой Синицына.

На большой перемене, когда все ринулись из класса в буфет, Женька достал компьютерный журнал и углубился в созерцание страницы.

— О, журналчик! Клёво! Что это? — увидев яркую обложку, заинтересовался пробежавший мимо Петухов.

Женька даже не успел рта раскрыть, как Сеницына выпалила:

— Выпендривается.

— Про Билла Гейтса, наверное, тоже говорили, выпендривается, — заметил Женька.

— Это кто такой? Бас-гитарист, что ли? — спросил Петухов.

— Темнота ты, Петух! Это создатель Ай Би Эм, — с видом превосходства просветил его Женька.

— Ага, и наш Москвичёв — тоже компьютерный гений, — язвительно произнесла Сеницына.

И тут её взгляд упал на журнал, который Женька предусмотрительно открыл на нужной странице. Сеницына увидела Женькину фамилию, напечатанную крупными жирными буквами, и глаза у неё полезли на лоб.

— Так это правда? — пролепетала она.

Женька понял, что настал момент его триумфа, и со скромностью, свойственной гениям, молча пожал плечами.

В это время в разговор встряла Майка, которую по праву считали местным бюро новостей. При виде подписи под статьёй её тоже хватил столбняк, но она довольно быстро пришла в себя и закричала:

— Ребята, смотрите! Москвичёва в журнале напечатали!

Все, кто на этот момент не успел убежать на штурм буфета, тотчас ринулись изучать подпись под статьёй, потому что из всей статьи это было самое понятное место.

— Пойдёмте покажем Николаю Александровичу, — с энтузиазмом предложила Майка.

Женька понял, что слава таит в себе подводные камни. Он вовсе не жаждал встречи с учителем информатики.

— Ты что, с ума сошла?! Я же засекреченный, — сказал он первое, что пришло на ум.

— Как засекреченный? — ахнула Сеницына.

— Очень просто. Про меня вообще никому говорить нельзя, потому что на меня охотятся. Я только вам открылся, — таинственным голосом поведал Женька.

— А кто за тобой охотится? — живо заинтересовалась Майка.

— Кто, кто — иностранные разведки.

— Вот зажигает! Нужен ты им больно. Они и не таких спецов покупают. За большие бабки кто хочешь продастся, — недоверчиво усмехнулся Петухов.

— Я за деньги не продаюсь, — отрезал Женька. И трагически добавил: — Так что если проболтаетесь, мне конец.

Несмотря на предупреждение, весть о том, что Женька — большой знаток компьютеров, быстро разнеслась по школе, и новоиспечённый программист во всей полноте осознал, что быть компьютерным гением гораздо труднее, чем он предполагал. Ребята потянулись к нему с вопросами. Женька напускал на себя важный вид, ссылаясь на занятость и советовал почитать литературу для «чайников», но понимал, что долго так не продержаться.

События развивались стремительно. В тот день Лена Сеницына объявила, что Вадика Груздева показывали по кабельному телевидению. Это был удар ниже пояса. По сравнению с показом по телеку ничтожная подпись в журнале тотчас померкла. Чаша весов склонялась явно не в пользу Женьки.

Женька было сник, но фортуна вновь улыбнулась ему. Недалеко от школы телевизионная передвижка проводила очередной социологический опрос. На перемене Женька сорвался из класса и изъявил желание быть опрошенным, но журналистка не оценила его порыва поделиться с обществом своим мнением. Нужно было придумать что-нибудь ещё.

Вернувшись в класс, Женька махнул рукой в сторону окна и громко сказал:

— Видели? Телевизионщики приехали. Откуда они только пронюхали? Меня выжидают. Хотят интервью взять.

— Что же ты тогда здесь сидишь? — удивилась Лена Сеницына.

— Мне это ни к чему. — Женька безразлично пожал плечами. — Я за славой не гонюсь. Не такой я человек. Не то что некоторые: чуть научатся по клавишам стучать и тут же на телек бегут.

В это время прозвенел звонок на последний урок. За сорок пять минут Женька успел напрочь забыть о том, что его «караулят» журналисты, и беспечно вышел из школы вместе с остальными. К этому времени телевизионщики как раз завершили свою работу и неспешно сворачивались. Майка оценила ситуацию и решила, что оставлять бедных журналистов ни с чем — нехорошо. Надо восстановить справедливость. Общество должно знать своих героев и тех, кто живёт рядом с ними.

— Ребята! Тащи Москвичёва к камере. Не зря же журналисты приезжали, — сказала Майка.

Поначалу её предложение не вызвало энтузиазма. Если Москвичёв кому нужен, то пусть с ним сами и разбираются. Но тут Майка добавила:

— Может, и нас по телеку покажут.

Её реплика тотчас возымела действие.

— Точно! Слабо в новостях засветиться?! — подхватил Юрка Петухов.

Осознав всю серьёзность ситуации, Женька в панике воскликнул:

— Нет! Не буду я давать никакого интервью.

— Ты чё, совсем уже? — Петухов покрутил пальцем у виска и обратился к остальным: — Да чего его слушать? Если надо, значит, надо!

Ребята схватили упирающегося Женьку и потащили к камере. Проявляя чудеса скромности, Женька отбивался изо всех сил, но с целым классом ему было не совладать. Скоро он предстал перед телевизионщиками, и Майка возвестила:

— Вот! Мы к вам Москвичёва привели.

— Кого? — не поняла журналистка.

— Женю Москвичёва. Он в нашем классе учится и пишет научные статьи.

Просто он очень скромный, — пояснила Лена Синицына и поспешно вытащила из портфеля журнал, который Женька щедро подарил ей с автографом.

Пробежав глазами статью, журналистка смерила Женьку удивлённым взглядом и начала проявлять к нему интерес. Женька понял, сопротивляться бесполезно, и он сдался. Интервью длилось недолго. К счастью, журналистка не стала копаться в тонкостях компьютерного программирования. Евгений Москвичёв, как и подобает гению, был немногословен. Репортаж обещали показать в калейдоскопе новостей. Все были счастливы, лишь герой дня выглядел подавленным.

— Переживаешь, что тебя рассекретили? — участливо спросила Синицына.

Глядя в её полные обожания глаза, Женька подумал: может быть, неплохо, что он дал интервью.

Прошло три дня. Поначалу Женька нервничал, но постепенно успокоился и стал с удовольствием греться в лучах славы.

Сигнал тревоги прозвучал, когда на перемене в класс зашёл Николай Александрович.

— Москвичёв, говорят, ты занимаешься программированием и даже пишешь статьи в серьёзные журналы? — спросил он.

В душе у Женьки шевельнулось предчувствие, что скоро его славе придёт конец. Если разговор пойдёт о компьютерных программах, то ему хана. Дальше компьютерных «ходилок» и примитивных «сшибалок» его познания не простирались. «Может, симулировать потерю голоса?» — решил он и молча кивнул.

— Представляешь, какое совпадение. Мой друг занимается той же самой проблемой и тоже пишет статьи. Могу познакомить. Его зовут Евгений Олегович Москвичёв.

Глубина Женькиного падения была ужасающей. Все посмеивались и подтрунивали над ним. От насмешников не было прохода, а количество приставших к нему кличек превышало все разумные пределы. Как только его не называли — и Программист, и Автограф, и Билл Гейтс.

Женька стойко выносил превратности судьбы. У каждого в жизни бывают чёрные полосы, главное — не унывать, решил он. Зато он понял, почему знаменитости не любят журналистов. Теперь само слово «интервью» вызывало у него острую неприязнь. Ведь кто знает, как долго он оставался бы компьютерным гением, если бы паршивые папарацци не рассекретили его.

ЭКСТРАСЕНС

Денёк выдался солнечный. Пообедав и наскоро выучив уроки, Женька забежал за Лёхой, но тот был ещё не готов. Пока медлительный Лёха одевался, Женька стал от нечего делать читать газетные объявления.

— Во зажигают! Видал, сколько чудиков колдует? Смотри-ка, на успех в деньгах кодируют. Тебе не надо? — насмешливо спросил он.

— Лучше б меня от двойки по математике закодировали, а то скоро контрольная. Отец на уши встанет, — мрачно изрёк Лёха, натягивая ботинки.

И тут в голове у Женьки что-то щёлкнуло. Он почувствовал прилив вдохновения, как случилось всякий раз, когда его посещала очередная сногшибательная идея.

— Лёха, ты гений! — воскликнул он.

Лёха искоса посмотрел на него: шутит, что ли? Не то чтобы он считал себя дураком, но всё же надо признаться, гением его ещё ни разу не называли. Между тем Женька продолжал:

— Мы с тобой тоже экстрасенсами заделаемся!

«Нет, не шутит. Сбрэндил», — понял Лёха, а вслух сказал:

— Бывают, конечно, идиоты, но не настолько же. Какой дурак к нам кодироваться пойдёт?

— А такой, какой двоек получать не хочет. Кодировать будем от плохих оценок, — уверенно заявил Женька.

Помешательство было налицо. Лёха опасливо покосился на друга и осторожно, чтобы ненароком не вызвать приступа буйства, спросил:

— Как же ты станешь кодировать, если ты этому нигде не учился?

— Пусть тупые учатся, а у меня, Лёха, природный дар. Я это прямо чувствую, — заявил Женька. — Главное, нам нужна реклама.

— Где же мы её возьмём? — на всякий случай поинтересовался Лёха.

— Если повезёт, то во дворе, — загадочно произнёс Женька.

Выбежав из подъезда, ребята увидели возле песочницы Майку Свиридову, которая присматривала за младшим братишкой. Майка в их классе была ходячей энциклопедией «Всё обо всех».

— На ловца и зверь бежит. Вон она, наша реклама, — довольно потирая руки, улыбнулся Женька.

Поравнявшись с песочницей, он небрежно бросил:

— Братца прогуливаешь?

— А тебе-то что? — огрызнулась Майка.

Она скользнула по Женьке взглядом и уже собиралась отвернуться, но тот неожиданно спросил:

— Чего это ты на меня так посмотрела?

— Никак я на тебя не смотрела, — отмахнулась Майка.

— Не отпирайся. Ты что, уже всё знаешь? Кто тебе рассказал? — допытывался Женька.

— Что рассказал? — наконец-то начала проявлять интерес Майка.

— Ну что я экстрасенс?

— Не ври, — не поверила Майка, но при этом глаза её от любопытства стали круглыми, точно объективы фотокамер.

— Я вру? — искренне возмутился Женька. — Меня в академии проверяли. Лёх, скажи. Мне на удачу закодировать — раз плюнуть. Был двоечником — стал хорошистом, — хвастался Женька и вдруг, будто спохватившись, сник: — Ой, чего это я разговорился. Знаешь что, забудь. Никому ни слова.

— Так вот почему ты отличник, — смекнула Майка, уже не сомневаясь в правдивости Женькиных слов.

Женька многозначительно пожал плечами и попросил:

— Только ты насчёт этого не распространяйся, а то начнут приставать: закодируй да закодируй.

— Не бойся, буду молчать как рыба, — пообещала Свиридова.

Как и предсказывал Женька, у Майкиной «рыбы» оказался довольно бойкий язычок. На следующий день, когда неразлучные друзья явились в класс, их встретили гробовым молчанием. С видом человека, далёкого от мирских забот, Женька прошествовал к парте, нарочито не замечая провожающих его любопытных взглядов. Первой выступила Лена Сеницына:

— Жень, а правда ты — экстрасенс?

Словно очнувшись от размышлений, Женька обвёл всех взглядом и, выдержав трагическую паузу, обречённо вздохнул:

— Так и знал, что это просочится. И вообще что вы все уставились? Экстрасенсов никогда не видели?

Произвести впечатление на Сеницыну было не так-то легко.

— Ладно тебе задаваться. Лучше скажи, слабо тебе Шмыгу от двоек закодировать? — с вызовом спросила она.

Маленький, вертлявый Шмыгунов шмыгнул носом, словно оправдывая свою фамилию и кличку, и буркнул:

— Чой-то меня? Других, что ли, нету?

— Да потому что ты у нас самый двоечник, весь класс позоришь, — резонно заметила Сеницына.

Женька для важности поводитил возле Шмыгунова руками и заявил:

— Закодировать я могу, только для пополнения энергии мне надо две шоколадки, лучше

наши, типа «Алёнки», а не какие-нибудь «Сникерсы», и... банку пива. Без этого ничего не получится.

— Ты что, пиво пьёшь? — вмешалась в разговор Майка.

— Экстрасенсы, как йоги, вообще ничего не пьют. У нас свои методы, — окинув её презрительным взглядом, парировал Женька.

Класс проявил небывалую заботу об успеваемости Шмыгунова. В единодушном порыве ребята собрали всё нужное для успешной работы экстрасенса.

После уроков все разошлись по домам. Только начинающий целитель и его верный секретарь не спешили уйти со школьного двора. Они сидели на парапете, с мрачным видом пожёвывая шоколадки.

— Может, не надо? — время от времени повторял Лёха.

— Не бойся. Всё путём, — успокаивал его Женька, хотя и сам немного нервничал.

Наконец из дверей здания показался одиннадцатый класс.

— Пора. Сиди здесь. Я скоро, — выдохнул Женька и побежал к школьной двери.

Ему не пришлось долго ждать, прежде чем на пороге появился главный школьный качок по прозвищу Конан. У него были такие бицепсы, что Рембо мог отдыхать. Конан был личностью, известной далеко за пределами школы. Его побаивалось полрайона, и не без основания.

Улучив момент, Женька на полусогнутых подкатил к старшекласснику и протянул банку пива:

— Конан, это тебе.

— Интересное кино, — с удивлением уставился на него Конан и понимающе спросил: — Что, проблемы?

— Ага, пацан один из нашего класса.

— Надо вздуть? — деловито поинтересовался Конан.

— Нет, не надо. Ты ему просто скажи: мол, дуй домой делать уроки, а не то будешь иметь дело со мной.

— И всё? — удивился Конан.

— И всё.

— Лады.

Когда громадные ручищи сграбастали Шмыгунова и, точно пушинку, оторвали от земли, он в первый миг по-думал, не объявился ли в городе Годзилла, но, осознав, что перед ним Конан из одиннадцатого, пожалел, что это не монстр.

— В общем, так, малец, дуй домой делать уроки...

Онемев от удивления, Шмыга слушал и по привычке шмыгал носом в знак согласия. Скоро он

вновь ощутил под ногами твёрдую почву. Конан удалился. Не успел оторопевший Шмыга понять, что бы это значило, как подошёл Женька и, победоносно глянув на клиента, произнёс:

— Понял? Ты теперь закодированный. Иди домой и учи уроки.

— Ха, ничего себе кодирование. Видал я таких экстрасенсов! — обрёл дар речи Шмыгунов.

— Как хочешь, только если завтра схлопочешь двояк, объясняться будешь с Конаном. Фирма веников не вяжет, фирма делает гробы.

Шутка прозвучала зловеще.

— Да ладно тебе, я ж сроду уроков не делал. Пошутили, и хватит, — взмолился Шмыгунов.

— Кодирование — не шуточки, — отрезал Женька.

— Вот я всем расскажу, какой ты экстрасенс фигов, — в сердцах особенно громко шмыгнул носом Шмыгунов.

— Ага, первому Конану расскажи.

Бедный Шмыга понял, что он в ловушке. Понурился, он отправился домой набираться знаний.

Валентина Петровна вызвала Шмыгунова, и все затаили дыхание. Шмыга обвёл класс взглядом, точно приговорённый к казни, поднялся и обречённо побрёл к доске. Проходя мимо Женькиной парты, он услышал громкий шёпот:

— Помни, ты закодированный.

Перед мысленным взором Шмыгунова возник кулак Конана, и Шмыга тотчас почувствовал небывалый прилив умственных способностей. Собравшись с духом, он затараторил урок. Слушая его ответ, Валентина Петровна от удивления приподняла очки, а когда он замолк, произнесла:

— Ну, Шмыгунов, ты меня сегодня поразил. За старание ставлю тебе четвёрку.

Шмыга, который в жизни не получал четвёрок, не поверил своим ушам, а когда до него наконец дошёл смысл сказанного, выражение сильного ужаса, не сходившее с его лица во время ответа, вдруг сменилось улыбкой. Класс издал восхищённый вздох. На перемене Шмыгунов был героем дня.

— Слышь, Шмыга, а здорово на тебя кодирование подействовало. Может, и мне попробовать? — решил забубённый троечник Сидоров.

Шмыгунов хотел было сказать всё, что думает по поводу местного целителя, но вовремя сообразил, что быть единственным дураком, попавшимся на эту удочку, ему не хочется, и с энтузиазмом закивал:

— Ага, попробуй. — И, вспомнив кулак Конана, искренне добавил: — Сильная вещь!

Скоро на приём образовалась целая очередь. От желающих не было отбоя, но школьный экстрасенс принимал не больше одного человека в день. Во время записи Женька с важным видом делал пасы руками и только после этого давал добро Лёхе занести счастливого в список очередников.

— Жень, а ты можешь меня от четвёрок закодировать? — попросила Сеницына.

— Нет, девчонок я не кодирую. Поле слишком сильное, не для женского организма, — сказал он с видом человека, который знает, что говорит.

Когда записываться на кодирование пришёл верзила и первый забияка Юрка Петухов, Женька покачал головой:

— Нет, Петух, с тобой тоже ничего не получится.

— Почему это? — обиделся Петухов.

— У тебя аура не та.

Тщедушный Шмыгунов с завистью поглядел на мускулистого Петухова и бесповоротно решил начать ходить в спортзал, чтобы тоже накачать ауру. Зато, глядя, как записываются на приём, он с радостью думал: «Пускай теперь другие парятся».

Вернувшись домой, Шмыгунов бросил портфель, схватил бутерброд и, по обыкновению, собрался на улицу, как вдруг его остановил телефонный звонок. В трубке раздался Женькин голос:

— Шмыга, ты там как, не расслабился? Я на всякий случай звоню напомнить, что ты закодирован.

Хорошее настроение у Шмыгунова как рукой сняло. Он с ненавистью посмотрел на телефонную трубку и, молча швырнув её, направился к письменному столу.

Скоро молва о великом экстрасенсе, грозе двоек, выплеснулась за пределы класса. Перед началом урока Валентина Петровна пристально посмотрела на Женьку и спросила:

— Москвичёв, это правда, что ты от двоек кодируешь?

Женька встал из-за парты, пожал плечами и скромно потупился, а вместо него встряла Майка:

— Правда-правда. Он уже и Шмыгу-нова, и Сидорова, и Туваева закодировал. У них ни одной двойки за последнее время.

— Вот именно. Если бы я сама не видела, ни за что бы не поверила, — задумчиво произнесла учительница.

Слава Женьки достигла апогея. Стали появляться первые ласточки из параллельных классов. Закодированные, все как один, расхваливали школьного целителя, однако насмерть молчали, когда их просили рассказать про кодирование подробнее.

Освоившись с обязанностями секретаря, Лёха сдерживал натиск страждущих избавиться от двоек. Шла вторая неделя Женькиной работы на поприще целительства, когда в толпе поднялось необычное оживление.

— На этот месяц записи нет, — привычно отчеканил Лёха, но осаждающие почтительно расступились, и перед Лёхой возник Конан.

— Я по льготной очереди, лады? — добродушно сказал он и добавил: — Говорят, тут у вас какой-то пацан от двоек кодирует. Позарез надо.

Лёха на ватных ногах отступил в сторону. Конан вошёл в класс и онемел. Он долго буравил Женьку взглядом, а потом произнёс коротко, но весомо:

— Ё-моё!

По дороге домой Женька был мрачным, как никогда.

— Но не били же! — как мог, старался успокоить его Лёха.

— Ты только представь, какое дело загубили! — не слушая его, скорбно восклицал Женька.
— Я для себя, что ли, старался? Для школы. Всего за десять дней вон как успеваемость повысил.

— Ага. Но не били же, — поддакнул Лёха.

Некоторое время они шли молча, а потом Женька махнул рукой:

— Ничего, Лёха, им же хуже. Нам-то что? Мы ещё что-нибудь придумаем. Дар, если он есть, никуда не пропадёт.

РЮКЗАК

Школьный качок по прозвищу Конан был личностью известной. Все, начиная от первоклашек и кончая старшеклассниками, знали, что от него лучше держаться подальше. Конечно, если у тебя не потерян инстинкт самосохранения. У Женьки Москвичёва с инстинктом было всё в порядке. А после неудачной попытки стать экстрасенсом, в которой Женька отвёл Конану незавидную роль вышибалы, у несостоявшегося целителя были все основания обходить его стороной. До поры до времени это ему удавалось, но, как говорится, мир тесен.

В один из тёплых весенних дней, когда всё живое тянется к солнцу, Женька потерял бдительность. На большой перемене любители свежего воздуха подались во двор. Женька наскоро выпил в столовой компот и тоже устремился на улицу, где его поджидал закадычный друг Лёха.

Жизнь складывалась прекрасно. Была пятница, конец рабочей недели. До летних каникул оставалось меньше месяца. От избытка чувств Женька разогнал себя и, точно по льду, заскользил по до блеска натёртому полу. Он не ведал, что судьба приготовила для него коварный удар.

Стоило ему ласточкой выпорхнуть из коридора в холл, как он со всего размаха налетел на Конана. Тот от неожиданности покачнулся, но устоял. Зато Женьку отбросило в сторону, как от столкновения со скалой. Отлепившись от кадки с пальмой, Женька увидел, что над ним возвышается сам гроза школы. От прилива адреналина ноги вдруг стали ватными. Во рту пересохло.

Конан схватил Женьку за плечи и хорошенько встряхнул.

— Ну ты, шпанёнок. Глазками-то моргай, когда несёшься. Правила дорожного движения знаешь?

— П-прости. Я нечаянно, — пролепетал Женька.

— За нечаянно бьют отчаянно, — усмехнулся Конан и взглянул на Женьку нехорошим, пристальным взглядом.

«Сейчас треснет», — подумал Женька и инстинктивно втянул голову в плечи. Впрочем, подумаешь оплеуха, главное, чтобы Конан не вспомнил его былые «заслуги». Однако память Конана не подвела.

— Ха, экстрасенс! — воскликнул он.

Женька понял, что окончательно влип. Душа у него ушла в пятки, но Конан неожиданно расплылся в улыбке.

— А ты клёво тогда придумал. Я ржал как резаный. Так что, если чего, приходи, — благодушно предложил он и заговорщически подмигнул, — и пиво приноси.

— Ага, — кивнул Женька, всё ещё не веря своему счастливому спасению.

Конан хлопнул его по плечу и попросил:

— Слышь, будь другом, оттащи зак на третий этаж в химию. А я пойду курну.

— Будь спок! — просиял Женька и с готовностью схватил рюкзак.

Фортуна снова улыбалась ему. В ушах песней звучал голос Конана: «Будь другом». Женьку распирало от гордости. Что и говорить, не каждому удаётся быть на дружеской ноге с самим Конаном.

Он осмотрел рюкзак и с восторгом прищёлкнул языком. Это была вещь! Чёрный, с черепушкой, нарисованной белой люминесцентной краской, и толстой цепью. Наверняка из магазина для металлистов. Женька давно мечтал о таком, но мама покупала ему какую-то малышнёвскую дребедень в «Детском мире». Взрослым часто не достаёт хорошего вкуса.

Накинув рюкзак на плечо, Женька сразу почувствовал себя крутым парнем. Жалко, что его не видела Ленка Сеницына или на худой конец сплетница Майка. Было бы здорово невзначай бросить: «Конан по дружбе дал поносить».

С этой мыслью Женька решил заглянуть в свой класс. Как назло, все ребята были либо на улице, либо в столовой. На задней парте одиноко сидел Петухов и с удовольствием поглощал здоровенный бутерброд, запивая его бутылкой пепси. Его взгляд безо всякого интереса скользнул по Женьке, но при виде рюкзака с черепом Петухов едва не поперхнулся. Он перестал жевать и восхищённо произнёс:

— Клёвая штука!

— А то! — заважничал Женька. Он хотел вернуть про дружбу с Конаном, но Петухов его опередил:

— Только тебе, Москвич, он как корове седло. Чё, носильщиком подвязался?

Его уничижительный тон так уязвил Женьку, что он, не подумавши, брякнул:

— Завянь, Петух. Это мой рюкзак.

Однако Петухов был тёртый калач.

Такого на мякине не проведёшь. Вместо того чтобы изумиться, он лишь презрительно фыркнул:

— Ой, ща от смеха помру. Крутизна под микроскопом.

— Тебе просто завидно, — вскинулся Женька. — Тебе же портфель в «Детском мире»

покупали. Что у тебя там на картинке — Майти Маус или Дональд Дак?

— Вот у тебя сейчас Дональд Дак в глазах заплещет, — набычился Петухов, встал с места и поднёс Женьке к носу увесистый «аргумент».

В прежние времена Женька не стал бы испытывать судьбу, но, имея другом Конана, он мог себе позволить некоторую вольность.

— Не горячись, Петух. Придёт время, и ты дорастёшь до взрослых вещей, — сказал он и покровительственно похлопал Петухова по плечу.

Петухов, который привык к тому, что его «аргумент» действует безотказно, настолько опешил, что так и застыл с поднятым кулаком. Женька направился к своей парте. Полутора извилин у Петухова в голове хватило на то, чтобы сообразить, что его унизили. Он ринулся за Женькой, схватил его за плечо, развернул к себе и грозно спросил:

— Ты чё, крутого из себя корчишь?

— Слышь, Петух, не кукарекай, — лениво отмахнулся от него Женька.

Это было последней каплей. Петухов сорвал рюкзак с плеча Женьки и с видом «попробуй, отними!» спрятал за спину.

— Отдай! — крикнул Женька.

— Возьми, если сумеешь, — усмехнулся Петухов.

Женька бросился за рюкзаком. Петухов проворно вскочил на стул, потом на стол и побежал, перепрыгивая с парты на парту. Лавируя между стульями, Женька бросился в погоню, но не тут-то было. Наверху было куда больше вариантов для манёвра.

— Давай, Москвич, поднатужься. Развивай скорость! — подзадорил Женьку Петухов и перескочил на другой ряд.

И тут фортуна повернулась к Петухову задом, к Женьке передом. Петух оступился и с грохотом свалился в проход между рядами.

— Допрыгался, — не без злорадства сказал Женька. — Бог шельму метит. Замри и не отсвечивай.

Он подошёл к поверженному противнику и нагнулся за рюкзаком, но бойцовский дух не позволил Петухову покорно принять поражение. Прежде чем Женька успел поднять рюкзак, Петухов изловчился и метнул его в раскрытое окно.

— Идиот! — в ужасе выкрикнул Женька и бросился к окну.

Не хватало ещё, чтобы рюкзак свалился кому-нибудь на голову! Глянув вниз, Женька сразу же оценил всю величину своего везения. Рюкзак не упал на землю. Он зацепился за ветку и завис на уровне второго этажа. А под деревом, точнёхонько под рюкзаком, стоял Конан с друзьями и мирно курил.

Женька посмотрел на Петухова и мрачно произнёс:

— Всё, Петух. Тебе конец.

— Что, бить будешь? — издевательски хохотнул Петухов.

— Не я. Ты знаешь, чей это рюкзак?

— Ну? — спросил Петухов.

— Конана.

— Прикальываешься? — Петухов враз посерьёзшел.

— Больно надо!

— Но ты же сказал, что он твой?

— Я сказал? Кто-нибудь слышал, что я говорил, будто это мой рюкзак? Есть свидетели? — вопрошал Женька, как прокурор в зале суда.

Он картинным жестом обвёл пустой класс. Петухов не отличался живостью ума, однако на этот раз он живо сообразил, что отсутствие свидетелей может сыграть ему на руку.

— А я вообще не знаю ни про какой рюкзак. В глаза не видел. Конан его тебе дал, вот ты за него и отвечай.

Петухов прихватил пепси и демонстративно вышел из класса.

— Стой! Я всё Конану скажу, — крикнул ему вдогонку Женька.

— Попробуй! — Петухов пригрозил кулаком и добавил: — Ну, Москвич, ты попал!

Женька оказался между молотом и наковальней. Конан не станет разбираться, кто прав, кто виноват, и накомтыляет ему, да ещё Петух добавит за ябедничество. Выхода нет, нужно во что бы то ни стало достать рюкзак.

Легче всего просто сбить рюкзак, но исполнять этот трюк при Конане было опасно для жизни.

Пока Женька рассуждал, как выкрутиться, в класс стали возвращаться ребята. Лёха с порога поинтересовался:

— Женька, ты чего на улицу не вышел? Я тебя заждался.

— А он завешание пишет, — гоготнул вошедший следом Петухов и обратился к Женьке: — Ну чё, Москвич, ты ещё живой? А я думал, ты уже того...

— А чего такое? — заинтересовался Шмыгунов.

— А ты в окошко глянь, чё Москвич с портфелем Конана учудил, — сказал Петухов.

Любопытство погнало к окну всех собравшихся. При виде рюкзака, зависшего над ничем не подозревающим хозяином, даже самые отчаянные оценили серьёзность ситуации. Черепушка на рюкзаке издевательски скапилась, навеяв нехорошие мысли.

— Ничего себе, — выдохнула Майка.

— Ну ты даёшь, — понуро проговорил Лёха, а Шмыгунов с некоторым злорадством добавил:

— Москвич, ты труп.

— Зачем ты это сделал? — спросила Ленка Синицына.

— Это ты у него спроси! Всё из-за него! — Женька со злостью уставился на истинного виновника происшествия, но вероломный Петухов лениво пожал плечами.

— А я тут при чём, если у тебя башню снесло? — Петухов повертел пальцем у виска — Братва, а может, Москвич маньяк? На него как накатит, он рюкзаки в окошки швыряет.

В этот момент на Женьку в самом деле накатило. Не взирая на разницу в весовой категории, он бросился на Петухова. Быть бы ему битым, если бы не Синицына.

Ленка встала между мальчишками и строго прикрикнула:

— Перестаньте! Только драки ещё не хватало. Сначала надо вызволить рюкзак.

— Как?! — в отчаянии воскликнул Женька, которому впервые изменила изобретательность.

— Рюкзак висит не так уж высоко. Конану его достать — пара пустяков.

По-моему, надо пойти и во всём сознаться, — сказала правильная Синицына.

От такого совета Женька аж поперхнулся.

— Ты что? Меня же Конан убьёт.

— Одним придурком на свете будет меньше, — хмыкнула Майка.

— Вы моей смерти хотите, да? Хорошо, пускай меня не будет! Пусть всем будет лучше! — выкрикнул Женька.

Но Синицына совершенно буднично прервала его тираду:

— Москвичёв, хватит корчить из себя недоумка. Ты думаешь, будет лучше, если Конан придёт в кабинет и не найдёт своего рюкзака? А чистосердечное признание...

— Равно самоубийству, — загробным голосом закончил Женька.

Впрочем, предложение Синицыной навело его на мысль.

— Мы рюкзак сами достанем, — с воодушевлением сказал он.

— Это у Конана два метра роста, а ты упрыгаешься, прежде чем дотянешься, — недоверчиво покачала головой Синицына.

— А зачем мне прыгать? Меня Лёха подсадит. Главное, отвлечь Конана. — Женька обернулся к Шмыгунову и торжественно произнёс: — Шмыга, будешь послом доброй воли.

— Я?! — опешил щуплый Шмыгунов. — Нашёл дурака. Я по доброй воле к Конану не пойду.

— «Сникерс», — предложил Женька.

— Последнюю версию «Hero's quest», — не стал размениваться по мелочам Шмыгунов.

Женька остолбенел от такой вопиющей алчности.

— Ты случаем не рехнулся? — спросил он.

— Не-а. Это ж не я рюкзак Конана на дерево закинул, — нахально заявил Шмыгунов.

Женька понял, что деваться ему некуда, и нехотя кивнул:

— Ладно, грабитель.

Довольный сделкой, Шмыгунов отправился во двор. Он уже предвкушал, как погрузится в виртуальные приключения, но при виде Конана решимость покинула его. Ноги сами собой замедлили шаг. Он задрал голову. В окне третьего этажа сгрудились одноклассники и следили за ходом его миссии. В Шмыгунове боролись страстное желание получить игру и панический страх перед Конаном. Он сделал ещё несколько шагов к старшеклассникам и снова остановился. Когда до Конана осталась пара метров, Шмыгунову окончательно расхотелось играть в новый «Quest». Он уже собирался повернуть назад, но тут его окликнул Конан:

— Эй, пацан, ты чего там топчешься?

Шмыгунов сглотнул и единым духом выпалил:

— Конан, мы тут с ребятами поспорили. Я говорю, что ты на это дерево залезешь, а они говорят, нет.

Задним умом Шмыгунов понял, что брякнул что-то не то. Если Конан посмотрит вверх и увидит рюкзак, его гнев обрушится на крайнего. И крайним окажется он. В голове всплыл рассказ учительницы истории про далёкие времена и участь послов, приносивших дурные вести.

Конан щелчком отбросил окуроч, ослабил:

— А чего я там не видал, на дереве?

Шмыга благоразумно оставил этот вопрос без ответа.

— Проиграл ты, пацан, — продолжал Конан, отвесил Шмыге подзатыльник и, дав понять, что разговор окончен, снова повернулся к своим дружкам.

Не искушая судьбу, Шмыгунов зайцем бросился в школу.

— Ну что же ты! — упрекнул его Женька.

— Не уговорил, — развёл руками Шмыгунов.

Перемена подходила к концу, и тут удача снова улыбнулась Женьке. Синицына крикнула:

— Ребята! Конан ушёл!

— Бежим! Скорей! — скомандовал Женька Лёхе, прихватил швабру, и они опрометью бросились из класса.

Перескакивая через две ступеньки, друзья сбежали вниз и выскочили во двор. Рюкзака на ветке не было. Возле дерева толпилась мелюзга из продлёнки и что-то оживлённо обсуждала.

— Эй, мальки, что случилось? — крикнул Женька.

— Из окна кто-то сумку выкинул.

— И где она? — живо заинтересовался Женька.

— Её Надежда Викторовна унесла, — сказала румяная первоклашка, а её бледнолицая

подружка захлёб подхватила:

— Она Илюше Мальцеву по голове попала. Его к врачу повели. У него прямо шишка вскочила. Теперь к директору вызовут этого, кто сумки бросает. Ох и влетит же ему!

— А откуда они узнают, кто её бросил? — спросил Женька.

— Так на тетрадках же написано, — сказала первоклашка, удивляясь Женькиной недогадливости.

В этот миг Женька Москвичёв понял, что пришёл его последний час. Раздался звонок.

На следующей перемене Женька предусмотрительно не высовывал носа в коридор, но это его не спасло. В класс вбежал Шмыгунов и крикнул:

— Атас! Конан!

— Меня в школе нет, — пискнул Женька и стёк под парту. Он бы с радостью слился с паркетом, но такими способностями, увы, не обладал.

Конан влетел в класс и в бешенстве заорал:

— Где этот экстрасенс недоделанный!

Все будто онемели. На удивление, только трусиха Синицына не потеряла самообладания.

— Он у врача, — быстро нашлась она.

Женька готов был расцеловать её за эту ложь. Всё-таки Синицына — человек!

Борясь с приступом гнева, Конан помолчал, а потом мрачно произнёс:

— Передай, что врач ему больше не поможет. Тут медицина бессильна.

Он взял со стола чью-то ручку и пальцами одной руки легко переломил её пополам.

Нервы у Женьки не выдержали. Он вздрогнул и, задев стоящий рядом стул, выдал своё присутствие. Конан нагнулся, и их взгляды встретились.

— А ну вылазь! — приказал Конан.

— Конан, честное слово, это случайно, — пролепетал Женька, вылезая из-под стола.

Конан схватил его за шкурку и поднял так, что рубашка жалобно затрещала.

— Что с тобой сделать? Может, в окно вышвырнуть? — кровожадно спросил он.

Женька, точно опоссум в момент опасности, замер и не трепыхался. Такая покорность судьбе охладила пыл Конана. Он разжал пальцы, и Женька кулём повалился на пол.

— Где твои шмотки? — сурово спросил Конан.

Женька кивнул на стоящий под столом ранец. Конан подхватил его, поднёс к окну, высыпал всё содержимое вниз, а следом швырнул и ранец.

— Считаю, что тебе повезло. Если я тебя ещё раз вблизи увижу, ты у меня будешь как Карлсон летать.

С этими словами Конан ушёл. Почти тотчас в класс влетел Петухов. Не скрывая огорчения оттого, что пропустил душераздирающее зрелище, он сокрушённо воскликнул:

— Ну как, Москвич, ты ещё шевелишься? Эх, жалко, я опоздал!

— Не бойсь, Петух. Ты ещё получишь свою порцию жизненных радостей, — успокоил его Женька.

— Шутник, — усмехнулся Петухов, плюхнулся на своё место и озадаченно заглянул под стол:

— Я чё-то не догоняю, где мой портфель?

Женька загадочно улыбнулся и многозначительно посмотрел на окно.

ЦЕНА ТАЛАНТА

— Всё! Пропали выходные, — мрачно заявил Лёха в телефонном разговоре с Женькой.

— А чего такое? — обеспокоился Женька.

— Из Иванова приехала мамина двоюродная сестра с дочкой. Будут по музеям таскаться. Они обе на живописи помешаны. Дочка в художественную школу ходит.

— А ты-то тут при чём?

— Мама велела мне идти с ними. Мол, нечего балбесничать. Прикинь, в такую погоду целый день картинки рассматривать, — сокрушался Лёха.

— Ничего, зато приобщись к культуре, — подтрунивал над другом Женька.

— Смеёшься? Тебе бы так, — буркнул Лёха, и тут его осенило: — Слушай, пойдём с нами? После выставки мы в «Макдоналдс» собираемся.

Последнее замечание значительно усилило желание Женьки приобщиться к искусству. Он согласился, не подозревая, что поход в картинную галерею откроет новую страницу в его жизни.

Первые полтора часа Женька и Лёха прилежно лупились на полотна великих мастеров в ожидании, когда же Лёхиной тётке и её дочке надоест по полчаса торчать возле каждой картины. Постепенно терпение друзей иссякло. От портретов и пейзажей рябило в глазах. Некоторое время они развлекались тем, что, переходя из зала в зал, соревновались, кто первый займёт место на диванчике для посетителей, но скоро и это надоело.

Женька понял, что погорячился, согласившись вместе с Лёхой сопровождать его родственниц. Воображение рисовало ему, как он мог бы лежать с книжечкой на диване или гонять на велосипеде, а тут нельзя было даже толком поговорить, потому что тишину строго охраняли суровые тётки в синей униформе. Женьку охватила непреодолимая тоска, но именно в сей момент судьба послала ему сюрприз.

Поднявшись по лестнице, они вошли в зал современного искусства, и их взору предстало огромное полотно ядовито-жёлтого цвета, по которому шла жирная чёрная полоса. Вся эта красота называлась «Композиция № 145».

Лёгкое недоумение на лице у Женьки сменилось интересом, а потом он восхищённо выдохнул:

— Видал? Какая фигня!

— А мне старые картины больше нравятся. Там всё как настоящее, — сказал Лёха.

— Ничего ты не понимаешь, — с жаром возразил Женька. — Ивана Грозного, который сына убивает, в музей каждый дурак возьмёт. А вот чтобы такую муру пристроить — тут талант нужен.

С этим было трудно не согласиться. Лёха и сам не понимал, что особенного в этой мазне, чтобы её надо было выставлять в картинной галерее. Другие стены были увешаны не менее содержательными композициями под разными номерами.

Женька склонился над табличкой с именем художника — автора «Композиции № 145». Именно в этот миг у Женьки возникла очередная гениальная идея. Он осознал, что создан для искусства. Его так захватила эта мысль, что даже поход в «Макдоналдс» потерял свою привлекательность и прошёл как-то незаметно.

Придя домой, Женька окончательно решил, что станет художником. В его голове теснились мысли о том, как его картины выставят в галерее и вся школа пойдёт смотреть. А Синицына подойдёт к нему и извиняющимся тоном скажет: «Прости, что я не верила в твой талант». А он просто и благородно ей ответит: «Ты никогда меня не понимала. Но я тебя прощаю».

Дело оставалось за малым: нарисовать картины и пристроить их в музей. Женька с головой погрузился в решение этой сложной задачи и сразу же столкнулся с первой трудностью. Оказалось, быть художником — занятие не из дешёвых. Узнав цену масляных красок, Женька понял, что ядовито-жёлтое полотно, занимавшее в галерее чуть ли не всю стену, — это по-настоящему дорогая картина. Исходя из личных сбережений, новоявленный талант вынужден был довольствоваться гуашью и углём.

Сделав необходимые приобретения, Женька обложился репродукциями, книгами о современных художниках и даже два раза сходил в музей современного искусства. Две недели Женька трудился не покладая рук. Дойдя до композиции № 39, он перешёл к серии портретов.

Каждый раз, когда Лёха заходил за Женькой, чтобы позвать его на улицу, он неизменно находил друга в процессе создания нового шедевра. Вдохновение не покидало мастера. Вот и в тот день стоило Лёхе переступить порог Женькиной комнаты, как живописец выставил перед ним очередное «полотно».

По сравнению с намалёванной на листе рожей Фредди Крюгер был красавцем. Из квадратной головы торчали квадратные уши. Один глаз находился на лбу, а другой на щеке. Перекошенный рот разинут в судорожной гримасе то ли смеха, то ли ужаса. Как будто этот урод только что увидел себя в зеркале.

— Ну как? — спросил Женька и, не дожидаясь ответа, положил рядом журнальную репродукцию. — Не хуже, чем у Пикассо, правда?

Лёха посмотрел на страницу журнала и искренне ответил:

— Не хуже.

— То-то же. Дарю. Повесишь над своим письменным столом. Когда-нибудь это будет стоить кучу денег, — щедро предложил Женька.

— Нет, не надо, — отказался Лёха.

Он ни за какие деньги не хотел любоваться этим безобразием. Однако Женька по-своему

истолковал его скромность:

— Бери, бери. Можешь не благодарить. Это по дружбе.

Отказаться от столь бескорыстного дара было совсем неудобно, и Лёха без особого интереса спросил:

— А это кто?

— Вот чудак! Это же ты.

— Я?!

— Ну да. Видишь, синий свитер с красной полоской?

На этом сходство заканчивалось.

— По-твоему, это на меня похоже? — сказал Лёха, и его голос непроизвольно задрожал от обиды.

— Дело не во внешнем сходстве, а в том, как художник это чувствует, — пояснил Женька и, выложив перед Лёхой очередную репродукцию, язвительно спросил: — По-твоему, это похоже на «Обнажённую женщину, расчёсывающую свои волосы»?

— Нет.

— Ну вот, а чего же ты тогда хочешь от меня? Я же не фотограф, а художник. Почувствуй разницу. Я тут, между прочим, почти весь класс нарисовал. Хочешь, покажу?

Просмотрев портретную галерею, Лёха убедился, что он ещё не самый уродливый.

— А это что за петух оципаный, с красной мордой? — спросил Лёха.

— Это Петухов! Похоже, правда? — обрадовался Женька. — На выставке все увидят, вот смеху будет.

— На какой ещё выставке?

— На персональной. Сразу в Третьяковке никого выставлять не станут. Для начала художнику надо организовать свою выставку.

— Где же ты её организуешь? — с недоверием спросил Лёха.

— Не волнуйся. Я всё продумал. Помнишь двухэтажку, которая на снос?

Лёха молча кивнул, и Женька с жаром продолжал:

— Из неё всех уже выселили, и сейчас она пустует. Нужно ловить момент, пока её не снесли.

Как всегда, Женькин энтузиазм и вера в успех заразили Лёху. В тот же день они обследовали помещение новой «галереи искусств» и приступили к расчистке территории для персональной выставки.

Следующий день ушёл на то, чтобы написать вывеску:

ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА

ЕВГЕНИЯ МОСКВИЧЁВА

Женька пририсовал палитру с кистями. Получилось очень здорово. Все «полотна» были развешаны при помощи скотча. Дойдя до портрета Петухова, Лёха предостерёг:

— Знаешь, что? Ты это... лучше его убери.

— Почему? Ведь похоже. Ты же сразу угадал.

— А если Петух тоже угадает? Мало не покажется, — зловеще произнёс Лёха.

— Как ты не понимаешь — это же самовыражение!

Лёха по опыту знал: когда Женька приходил в раж, спорить с ним было бесполезно, поэтому примирительно сказал:

— Я-то понимаю, но вообще рисуй лучше композиции. Они тебе больше удаются. — А про себя подумал: «За них хоть в пятак не схлопочешь».

Наконец все приготовления были закончены. Оглядев свою работу, Женька заявил:

— Чтобы всё было по правилам, вход надо сделать платный.

— Скажешь тоже! Кто же за деньги пойдёт на это смотреть? — недоверчиво спросил Лёха.

— Кто надо, тот и пойдёт. Мы с тобой тоже не за бесплатно на разные композиции смотрели. Картинная галерея — это тебе не выставка детского рисунка. Я билеты на компьютере сделаю. Главное — назначить нормальную цену. Как ты думаешь, по рублю продавать или не мелочиться и забабыхать по пятёрке?

— За пятёрку как бы ещё не вздули, — высказал свои опасения Лёха.

— Убедил. Билеты будут по рублю. Надо нести искусство в массы, — согласился Женька.

— По-моему, и по рублю не пойдут. — Лёха с сомнением покачал головой.

— Спокуха! Я всё продумал, — как всегда, не унывал Женька.

Он не зря прочитал столько статей и книжек про художников. Из прочитанного Женька сделал вывод, что по-настоящему гениального художника отличают странности, вроде как у него не все дома. Самый супер был, когда один художник отхватил себе ухо. Может, без этого отрезанного уха никто бы о нём в жизни не узнал. Что и говорить, это было круто, но повторяться не стоило. Пришлось поломать голову, как ещё привлечь к себе внимание.

Женька целый час бился над этой проблемой, когда ему на глаза попала картинка из детской книжки, где был нарисован художник с шеей, обмотанной длинным шарфом. Прикинув так и сяк, Женька решил, что это как раз то, что нужно. Шерстяной шарф в майскую жару наверняка заметят, а для здоровья это гораздо полезнее, чем отрезанное ухо.

Достав из шкафа мамин вязаный шарф в сине-белую полоску, который хранился с остальными зимними вещами, Женька обмотал его вокруг шеи, придав своему лицу отрешённый вид и отправился в школу. Погода стояла на редкость жаркая. На улице народ

поглядывал на него, как на ненормального. Женька ликовал. Всё шло как по маслу.

Однако скоро Женька понял, что по-настоящему незаурядному человеку приходится нелегко. Шарф его порядком достал. Шея вспотела, и временами Женьку одолевал страшный чёс, но приходилось крепиться. Успокаивало только то, что художнику, который оттяпал себе ухо, тоже приходилось несладко, зато теперь его картины знают во всём мире.

Новоиспечённый талант гордо вошёл в школу и, не обращая внимания на косые взгляды, направился в класс. Его гениальность была замечена достаточно быстро.

— Москвичёв, ты чего в шарфе? — спросила Сеницына.

Женька не успел ответить, как Петухов насмешливо выкрикнул:

— А у него шея мёрзнет.

Женька решил не поддаваться на провокации. Сделав вид, будто только что очнулся от задумчивости, он спросил:

— Что? Вы о чём?

— Шарф тебе зачем? Простудиться боишься? — поддела его Майка.

— А... это, — протянул Женька, как будто только что заметил болтающуюся у него на шее колючую шерстяную удавку. — В самом деле, откуда он? Я и не заметил.

— Ни фиги себе. Весь красный, как из парилки, а он не заметил. У тебя что, шарики за ролики зашли? — засмеялся Петухов.

— Хватит придуриваться, — покачала головой Сеницына.

— Вам этого не понять. Бывают люди, которые живут в других мирах, — заявил Женька.

— Инопланетяне, что ли? — усмехнулась Майка.

— Я тащусь! Москвичёв — лунатик. На Луне колотун, вот он и укутался, — не унимался Петухов.

Сеницына прыснула со смеху. Это не могло не ранить тонкую, художественную натуру Женьки.

— Петух, я сейчас тебе в глаз дам!

— Попробуй, — оживился Петухов, который всегда был не прочь помериться силой.

Взглянув на верзилу Петухова, Женька быстренько ретировался.

— Я не стану унижаться до драки с тобой. Не доставлю тебе такого удовольствия, — с достоинством произнёс он.

— Чего? — не понял Петухов.

— Струсил, — вставил Шмыгунов.

Сеницына криво усмехнулась. Это окончательно добило Женьку, и его понесло:

— Кто?! Я струсил? Да вы хоть понимаете, с кем имеете дело? Некоторые, между прочим,

себе уши отрезают. Вы хотите, чтобы я ухо отрезал? Хотите, да? — не на шутку разошёлся Женька, широким жестом запахнул шарф и покинул класс.

— Чего это он? — спросил Петухов, покрутив пальцем у виска.

— Художник, — объяснил Лёха.

— Кто? Москвичёв, что ли? Тоже мне художник! — засмеялся было Петухов, но Лёха вступился за друга:

— Постмодернист, вот какой.

— Иди ты! — не поверила Майка.

— А ухо тут при чём? — не поняла Сеницына.

— Один художник, его Иван Гог звали, себе ухо отрезал.

— Зачем?

— Чтоб прославиться, — пояснил Лёха.

— Ой, а вдруг Москвичёв тоже себе ухо отрежет? Видели, как он выскочил? Прямо бешеный, — заволновалась Сеницына.

— Да врёт он всё, — заключил Петухов.

— Я вру? — возмущённо воскликнул выросший в дверях Женька и веско добавил: — Сегодня в четыре часа всех приглашаю на открытие персональной выставки.

В это время прозвенел звонок на урок, и дискуссию пришлось прервать. Во время переключки Вера Ивановна посмотрела на изнемогающего от жары «гения» и сказала:

— Москвичёв, сними шарф. Это что за шуточки?

— А он художник, — выкрикнул Юрка Петухов.

— Кстати, о художествах, Петухов. Ты случайно не знаешь, кто изрисовал твою парту в кабинете математики? — строго спросила учительница.

Под её пристальным взглядом Петухов сник, тотчас потеряв желание говорить на тему искусства. Пока все отвлеклись, Женька с облегчением стянул с себя шарф, решив до конца уроков проявлять свою незаурядность другими способами.

Весь день Женька старался вести себя, как подобает истинному художнику, держался особняком, время от времени напуская на себя задумчивый вид, а на большой перемене даже не побежал в буфет. Но оказалось, что эта жертва была принесена напрасно. Никто не обратил внимания на его отсутствие.

— Жень, а где у тебя выставка? — спросила Сеницына после уроков.

— В двухэтажке, которая на слом, — объявил Женька.

— А я думала правда, — разочарованно протянула Сеницына.

— Между прочим, многие художники сначала выставлялись на чердаках и в подвалах, — заметил Женька и для пущей важности добавил: — Кстати, вход платный.

— Так это по-настоящему, что ли? — спросила Майка.

— А по-вашему, я прикалываюсь? — вопросом на вопрос ответил Женька.

— И почём билет? — спросил Петухов.

Язвительность в его тоне подстегнула Женьку, и он сам не понял, как выпалил:

— Десять рублей.

— Прикинь? Червонец-то за что? — спросил Петухов.

— Увидишь, что такое истинный художник, — со значением сказал Женька и в сопровождении Лёхи покинул класс.

— Не понял, он чё, ухо, что ли, будет резать? — сделав страшные глаза, спросил Шмыгунов.

Стояла чудесная погода, но Женька с Лёхой не пошли гулять. Они сидели на втором этаже пустого, обшарпанного здания, на двери которого значилось: «Галерея современного искусства...»

— Сказанул тоже — десять рублей. Тут задаром никто не придёт, — протянул Лёха, который придерживался мнения, что искусство должно быть доступно для народа.

Женька и сам понимал, что погорячился, но он не любил признавать своих ошибок, поэтому сказал:

— Что поделаешь. Толпа никогда не признавала гениев.

Вдруг у сидевшего на подоконнике Лёхи перекоилось лицо, как от нервного тика, и он пролепетал:

— Толпа.

— Чего? — не понял Женька.

— Там толпа, — сказал Лёха, махнув рукой в сторону окна.

Женька вскочил как ошпаренный, выглянул из окна и обомлел. К «галерее» шло человек двадцать. Среди страждущих приобщиться к искусству были не только одноклассники, но и ученики из параллельных классов.

— Ну, Лёха, продавай билеты, а я пока тут всё подготовлю, — сказал Женька, и они кубарем скатились по лестнице со второго этажа вниз.

Билеты были распроданы в момент. Когда все наконец оказались в здании, Женька повёл экскурсию на второй этаж, где располагалась основная экспозиция. Это был его триумф. Он бойко демонстрировал свои полотна, жалея, что по настоянию Лёхи убрал-таки портрет Петухова. Завершала показ скульптурная композиция под названием «Дружба», представляющая собой две сплюснутые банки кока-колы, большими гвоздями приколотые к фанерке.

— Это всё, — широко улыбаясь, сказал Женька.

Все продолжали смотреть на него. Никто не расхохотался. На лицах посетителей читалось ожидание. В душе у Женьки шевельнулось нехорошее предчувствие. Лёха понял: будут бить.

— Всё уже, — неуверенным голосом повторил Женька.

— Как всё? А ухо? — напомнил ему Петухов.

— Какое ухо? — Женька всё ещё не понимал, чего от него хотят.

— Как какое? Ты обещал, что ухо отрежешь, как этот Ваня, как его там.

— Ван Гог, — машинально подсказал Женька.

— Во-во, — поддакнул Петухов.

— Ничего я не обещал, — попятился Женька.

— Говорил, он струсит, — сказал Шмыгунов.

— А за что мы тогда червонец заплатили? — выкрикнул Петухов. — А ну гони бабки назад.

Толпа угрожающе сомкнула кольцо вокруг художника и его верного помощника. Женька мысленно поблагодарил Лёху, что тот настоял убрать портрет Петухова. Благодаря Лёхиной дальновидности обошлось без драки, но с деньгами пришлось расстаться окончательно и бесповоротно.

Скоро Женька и Лёха остались вдвоём в опустевшей галерее.

— Тебе хорошо. А у меня мою собственную двадцатку выгребли, — проворчал Лёха.

— Деньги и творчество — вещи несовместимые, — философски заметил Женька, окинул «галерею искусств» прощальным взглядом и пошёл прочь.

— А как же картины? — спросил Лёха.

Женька не ответил. Он уже смирился с тем, что не станет гениальным художником, и на аукционах будут продаваться не его картины, а какого-то далёкого Ван Гога. Зато он остался при ушах.

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ

Сегодня игра не клеилась. И всё из-за Лёхи.

— Чур, я — главный спецназовец из «Альфы»! — как обычно, бодро воскликнул Женька, но Лёха вместо положенного: «Чур, я бандит», — неожиданно заявил:

— Чего это всё время ты из «Альфы»? Сегодня, чур, я буду спецназовец.

— Тебе бандитом быть больше подходит, — сказал Женька.

— Почему это? — возмутился Лёха.

— Потому что ты бритоголовый.

— А спецназовцы что — патлатые, да? Раз так, то я вообще играть не буду, — надулся Лёха.

Некоторое время они сидели молча, а потом Женька пошёл на уступки:

— Ладно, давай, чтобы всё было по-честному, друг другу задания задавать. Кто выполнит, тот и будет спецназовцем. Слабо тебе десять раз подтянуться?

Лёха подошёл к перекладине, поплевал на руки, подпрыгнул и начал подтягиваться. Семь раз он одолел с лёгкостью. Дальше дело пошло тяжелее. Однако Лёха сумел подтянуться в восьмой раз. Девятый раз дался ему с большим трудом, а на десятый руки у него ослабли, и Лёха спрыгнул на землю.

— Тоже мне из «Альфы», — усмехнулся Женька.

— А ты сам попробуй, — огрызнулся Лёха.

Женька с тоской поглядел на перекладину. Он и один-то раз подтягивался с большим трудом, поэтому счёл, что лучше пропустить это замечание мимо ушей.

— Чего это я буду свою команду выполнять? — сказал он. — Если хочешь спецназовцем быть, вот и придумай задание, а то я же за него ещё и думать должен.

Лёха стал прикидывать, что бы такое скомандовать, но тут Женька крикнул:

— А давай я на одной ножке проскачу до забора и обратно, — и, не дожидаясь Лёхиного согласия, лихо поскакал.

— Нет, так нечестно. До забора любой доскакать может, — спохватился Лёха.

— Ну на тебя не угодишь, — фыркнул Женька и вдруг спросил: — Слушай, Лёха, а ты приёмчики знаешь?

— Какие приёмчики?

— Карате, например, как в фильмах.

— Не, не знаю, — честно признался Лёха.

— Как же ты тогда спецназовцем собираешься быть, если приёмов не знаешь? Тебя же любой лох завалит. — Женька забрался на скамейку и посмотрел на Лёху свысока.

— Можно подумать, ты знаешь, — сказал Лёха.

— А спорим, знаю! Смотри!

Женька спрыгнул со скамейки и, издав воинственный клич, стал выписывать руками и ногами кренделя. Время от времени он вскрикивал, делал выпад ногой в сторону и сшибал невидимого противника. У него здорово получалось. Лёха смотрел на него с завистью.

— Видал? — спросил Женька. — Без приёмов ты никуда. Без приёмов тебя любой побить может. Но ты не отчаивайся. Хочешь, я тебя научу?

— Хочу! — обрадовался Лёха, и учёба началась.

— Смотри, как надо! — сказал Женька и начал строить гримасы.

— А рожи корчить зачем? — спросил Лёха.

— Сам ты рожа. Это психологическая атака, понятно? Сначала главное — нагнать на противника страху. Для этого есть специальные устрашающие крики. Вот так: й-а-а!!! —

заорал Женька. — А теперь ты.

— Й-а-а!!! — загорланил Лёха.

— Громче! Й-а-а!!! — вопил Женька.

— Й-а-а!!! — во всю глотку вторил ему Лёха.

Лёхе такое обучение здорово нравилось. И, как видно, не одному ему, потому что их пример оказался заразительным. Из окна первого этажа высунулась бабка и тоже заорала:

— Чтoб вас, окаянных! Ни днём, ни ночью от вас покою нет. То хоть в школе полдня сидят, а летом так цельный день гам стоит. А ну марш отсюда! Ишь чего удумали, прямо под окнами орут.

Когда их прогнали ещё из двух мест, Лёха спросил:

— А может, можно без криков?

— Ты что, это ж самое главное! Классно у нас получается! Видал, как все задёргались?

Так или иначе, но тренироваться возле дома им не давали, и они решили пойти на пустырь, который чудом сохранился среди высотных домов. Это было самое подходящее место для устрашающих криков. «Каратисты» орали и брыкались до тех пор, пока совсем не осипли.

Наконец Женька решил, что крики у них отработаны, и перешёл к показу самих приёмов. Он встал в позу и велел Лёхе идти на него с воображаемым ножом.

Рослый Лёха двинулся на маленького, щуплого Женьку, но тот бесстрашно подскочил к превосходящему по силе противнику, схватил его за руку и крутанул изо всех сил. От неожиданности Лёха рванулся в сторону, и Женька упал. «Учитель» подскочил и, отряхиваясь, набросился на ученика:

— Ты что делаешь? Тебе сказали с ножом идти, вот и иди. И нечего дёргаться. Весь приём испортил!

— Я же не нарочно, — оправдывался Лёха.

— Ладно. Давай лучше я на тебя пойду, а ты обороняйся. Только по-настоящему обороняйся, а не дёргайся, как параличный, — приказал Женька.

Лёха встал в позу. Женька наскочил на него и в тот же миг опять оказался на земле.

— Ты что, издеваешься? — не на шутку рассердился Женька, потирая ушибленную коленку.

— Ты нарочно, да?

— Сам сказал — обороняться, — пробормотал Лёха.

— Вот именно, я тебе человеческим языком сказал: «Обороняйся», а ты что руками размахался?

— Откуда я знаю, как надо обороняться?

— То-то и оно, что не знаешь. Обороняться нормально не может, а туда же, в спецназовцы метит, — ворчал Женька. — Смотри, как надо. Я на тебя прыгаю и хватаю за руку. Ты пытаешься вырваться...

Лёха попытался. Женька свалился и ушиб вторую коленку.

— Всё, с меня хватит! — с обидой крикнул тренер. — Я для него стараюсь, приёмам обучаю, а он — на тебе! Специально всё портит.

— Да не специально я, ну честное слово. Женька, давай ещё разочек попробуем, — взмолился Лёха.

— Ладно, объясняю последний раз, для особо тупых, — съязвил Женька и опять пошёл в наступление.

Он схватил Лёху и стал заламывать ему руку за спину, но тщетно.

— Ты что, не видишь, что я тебе руку заламываю? — прошипел Женька.

— Ну вижу, — простодушно ответил Лёха.

— А чего тогда стоишь, как пень? По приёму ты руку должен назад завести.

— Так бы сразу и сказал.

Следующий приём начался удачно. Лёха согнул руку, Женька его заломал и, как полагается, прыгнул сверху. Лёха помнил, что дёргаться нельзя, поэтому, собрав все силы, стоял, стараясь не шевелиться. Женька болтался у него на спине, конвульсивно дёргая ногами и пытаясь свалить непонятливого ученика на землю. Наконец он не выдержал и закричал:

— Падай! Падай, кому говорят!

Лёха выпрямился, при этом чуть было не упал Женька.

— Тут же грязно, — возразил Лёха.

— А ты как хотел: и приёмы освоить, и ни разу не упасть? Это тебе не шуточки. Хочешь в схватке побеждать, можно и испачкаться.

Ради такого дела стоило помучиться, и Лёха согласился. Обучение ему давалось с трудом. Он совсем не умел обороняться, но оказалось, что нападает ещё хуже. На руках и ногах «учителя» не осталось живого места от синяков и ссадин. Через час, вконец измочаленный, Женька сказал:

— На сегодня хватит, а то ты, наверно, устал.

Друзья побрели домой. Они шли молча. Женька опирался на Лёху, а Лёха думал, до чего же трудно помнить все приёмы, чтобы не забыть, когда нагнуться, а когда упасть. Словно прочитав его мысли, Женька дружески кивнул ему и ободряюще сказал:

— Ничего, Лёха, и у тебя когда-нибудь получится. Тяжело в учении...

ХОР

В новом учебном году в школе начала работать секция баскетбола, ещё школа современного танца, клуб любителей литературы, кружок «Умелые руки» и хор. В общем, в свободное время каждый мог выбрать занятие по вкусу. Многие ребята стали думать, куда записаться. Женька с Лёхой тоже не остались в стороне, но неожиданно выяснилось, что интересы у

неразлучных друзей не совпадают. Лёха загорелся секцией баскетбола, тем более что учитель физкультуры пообещал взять его в школьную сборную.

Зато Женька ненавидел баскетбол всей душой. Мало того, что он никогда не мог попасть в корзину, хуже обстояло дело с передачей мяча. Однажды он попробовал принять пас и до сих пор вспоминал об этом с содроганием. Ему показалось, что его в живот протаранило не мячом, а пушечным ядром.

Вместо баскетбола Женька предложил записаться в клуб любителей литературы, к тому же занятия у них должен был вести настоящий поэт. Но при одном упоминании о стихах Лёху охватила смертная тоска. Он твёрдо заявил, что ему и уроков литературы хватает с лихвой, чтобы ещё портить себе свободное время.

Друзья зашли в тупик, и в этот момент к ним обратилась Лена Сеницына. Она всегда была активисткой, что называется, в каждой бочке затычка. На этот раз её назначили ответственной за хор: ведь она ходила в музыкальную школу.

— Мальчики, давайте я запишу вас на хор, — предложила она.

— Куда? Лёха, ты слышал? Она нас на хор запишет! — презрительно фыркнул Женька.

— Не понимаю, что тут такого? — возмущённо передёрнула плечами Сеницына.

— Да это же полный отстой, даже хуже танцев, — скривился Женька.

В это время в разговор встрял Петухов:

— Лен, кого ты уговариваешь? Куда Москвичёву петь? С его голосом только сидеть в туалете и кричать: «Занято!»

— Вот я тебе покажу «занято»! Да я лучше твоего пою. Меня знаешь, куда приглашали? — немедленно завёлся Женька.

— Знаю. В хор голодных из оперы «Отдай мою горбушку», — съязвил Петухов.

Ленка прыснула со смеху. Обычно Женька не лез за словом в карман, но в этот день остроумие изменило ему. Не найдя иных доводов, он крикнул:

— Если ты такой умный, то сам и записывайся!

— Между прочим, Юра уже записался, — вместо Петухова ответила Сеницына.

У Женьки от удивления уши чуть не свернулись в трубочку. Ну и дела! Он уже давно замечал, что Петух подкатывался к Сеницыной, но не брал его в расчёт. У Петуха ведь в голове всего две мысли: у кого списать и как бы не спросили. Немудрено, что Ленка смотрела на него как на пустое место. С каких это пор он стал для неё не Петух и даже не Петухов, а Юра! Не успел Женька осознать, что у него появился ещё один соперник, как Петухов изрёк:

— Понял? Так что отвали. Меньше народу, больше кислороду.

«Значит, я отвали, а он будет Сеницыну кадрить?» — мысленно возмутился Женька и тотчас воспылал желанием тоже петь в хоре.

— Пиши нас с Лёхой, — велел он, обращаясь к Сеницыной.

Услышав такое, Лёха аж поперхнулся. Ради друга он готов был в огонь и в воду, но ходить на хор было чересчур жестоким испытанием даже для крепкой мужской дружбы.

— Меня не надо. Я петь вообще не умею, — бурно запротестовал он.

— Ничего, будешь создавать массовость, — заявила Сеницына, но Лёха впервые в жизни твёрдо стоял на своём.

— Жень, не обижайся, но я лучше на баскетбол, — сказал он.

Так Женька и Лёха оказались в разных кружках.

На первом же занятии Женька понял, что, записавшись на хор, он явно погорячился. Сеницына не стояла того, чтобы ради неё целый час горланить про «Крылатые качели». Но это были ещё цветочки. Дальше они стали разучивать песню про ёжика с дырочкой в правом боку. Женька просто ушам своим не поверил. Ещё бы «Репку» почитали! Может, в хит-параде для детей ясельного возраста ёжик и стоял в первой десятке, но хористы явно выросли из ползунков и колобков.

Отбив положенное время и вырвавшись на свободу, Женька решил, что любовь любовью, а на хор он больше не ходок. Но в следующий вторник после уроков к нему подкатила Сеницына.

— Ты не забыл, что сейчас хор? — вкрадчиво спросила она.

— В гробу я видал твой хор. Больше мне делать нечего! — отчеканил Женька.

— Жаль, а то после занятий вместе бы прогулялись, — вздохнула Ленка.

Это было что-то новенькое. До того Женька несколько раз порывался проводить её до дома, но каждый раз получал от ворот поворот. С какой это радости она так раздобрилась?

— Чего это вдруг? — недоверчиво спросил он.

— Тебе что — по слогам объяснять? Но если не хочешь, так и скажи, — оскорбилась Сеницына.

Она повернулась и пошла прочь. Женька засеменял за ней.

— Лен, ты чего? Обиделась, что ли? Подожди. Я согласен. Просто как-то не ожидал.

Пока оправдывался, он и не заметил, как они дошли до актового зала. Второе занятие хора протекало ещё мучительнее, чем первое. Крылатые качели уже сидели в печёнках, не говоря уж о дырявом ёжике-свистуне. Только обещанное свидание поддерживало в Женьке силы дотерпеть эту муку до конца.

Мысли его были далеки от пения. В мечтах он неспешно бродил с Сеницыной по скверу, поражая её своей эрудицией. А она слушала его и восхищалась. А после они долго нежно прощались возле её подъезда. Однако жизнь сильно отличается от фантазии. Как только занятие закончилось, они чуть ли не спринтерским шагом добежали до дома Сеницыной, возле подъезда она коротко бросила: «Ну ладно, пока», — и скрылась за дверь. Женька почувствовал себя обманутым.

В следующий вторник он решил не поддаваться на её уловки и уже собрался сбежать с ненавистного хора, как вдруг увидел, что коварная изменщица прошествовала в актовый зал под ручку с Петуховым. Загипнотизированный этим неприятным зрелищем, Женька невольно двинулся за ними и опомнился, лишь когда оказался в зале. Бежать было поздно. Ловушка захлопнулась. Предстоял новый час пыток.

Целую неделю Женька, испытывая муки ревности, следил за соперником, но Сеницына не проявляла к Петухову даже намёков на симпатию. Успокоившись на этот счёт, Москвичёв решил окончательно и бесповоротно бросить хор. Во вторник он как ни в чём не бывало направился домой, но не тут-то было... Оказалось, что он был не одинок в своём решении, поэтому на лестнице стояла завуч и отправляла всех беглецов в актальный зал.

— Это почему? Запись была добровольная, — воспротивился Женька.

— Добровольно записался, теперь добровольно будешь ходить до конца года, а то много вас тут домой собралось. Если каждый уйдёт, в хоре петь будет некому, — заявила завуч, явно попирая Женькину свободу.

Вместе с остальными нерадивыми хористами его препроводили в зал. Стоя плечом к плечу с другими жертвами произвола, Женька нарочно то молчал, то вступал невпопад в надежде, что его выгонят как непригодного. Напрасно. Нервы у учительницы пения оказались как канаты. Видимо, на своём веку она повидала и не таких «мастеров вокала». Еле-еле дотянув до конца занятия, Женька дал зарок, что больше ноги его не будет на этой каторге, но как бы не так...

Перед очередным занятием к нему снова подошла Сеницына и сладким голосом завела:

— Женечка, ты не мог бы донести до зала мой портфель?

— Щас, нашла лоха. Только шнурки на бантик завяжу, — съязвил Женька, не поддаваясь на её дешёвые уловки.

— Ну пожалуйста. Если я тебе хоть чуточку нравлюсь, — проворковала Ленка, беря его под руку.

Однако Женька был твёрд, как камень.

— Пускай тебе Петух портфели носит.

— Ты что — не понял? Петухов — это же для отвода глаз. Неужели ты думаешь, что он мне нравится? У него же мозгов нет, одни мышцы. Ты — совсем другое. Ты в классе самый умный, такой начитанный. Эрудит. Просто я не хочу, чтобы про нас ходили всякие сплетни, — доверительно зашептала Сеницына.

Сердце эрудита растаяло. Он со злорадством продефилировал с Ленкой мимо Петухова и направился в зал. Юрка проводил их мрачным взглядом и поплёлся следом. После хора Сеницына снисходительно позволила Женьке дотащить до дома её портфель и пообещала, когда будет время, сходить с ним в парк.

Целую неделю Женька забрасывал Сеницыну записками и был наверху блаженства. Каково же было его изумление, когда во вторник он увидел изменщицу рядом с Петуховым. У Женьки даже дар речи пропал, но Ленка обернулась и многозначительно посмотрела на него через плечо: мол, не расстраивайся, ты же знаешь, что это для отвода глаз. Женька немного успокоился, но не настолько, чтобы оставлять Сеницыну без присмотра.

Нельзя сказать, что он втянулся в занятия, и всё же не напрасно терпел пытку. Время от времени он провожал Ленку до дома, а на уроках они обменивались записками. Правда, на десять Женькиных посланий она отвечала одним, но его это не смущало.

Женька явился на хор даже тогда, когда Сеницына схватила простуду и не пришла в школу. Казалось бы, в этот день сразу после уроков он вполне мог отправиться домой, наслаждаться жизнью. Но не тут-то было. Возле раздевалки был выставлен целый кордон учителей для отлова хористов. Под конвоем математички Женька добрёл до актального зала. Петухов угрюмо

подпирал косяк двери, явно надеясь улучшить момент и дать дёру. Увидев Женьку, он язвительно усмехнулся:

— Что, захомутали?

— Меня? Ещё чего! Я сам пришёл. Мне вообще в кайф. По себе не суди. Небось самого заарканили, когда хотел сбежать? — огрызнулся Женька.

— Меня заарканили? Думай, чего несёшь. Я, может, добровольно остался. И вообще я от ёжиков тащусь, — сказал Петухов, и они мрачно, бок о бок, прошагали к сцене.

Так продолжалось почти два месяца, пока случай не открыл Женьке глаза на женское коварство.

Это случилось за неделю до концерта, на котором хор должен был продемонстрировать своё мастерство. После уроков в раздевалке Женька искал свою шапку. Не найдя её на вешалках своего класса, он пошёл посмотреть в соседней секции, как вдруг его внимание привлёк разговор, доносившийся из-за плотной стены висящих пальто. Услышав свою фамилию, Женька наострил уши. Судя по голосу, говорила Майка.

— Надо же! Москвичёв с Петуховым ходят на хор. Никогда бы не поверила. Как тебе это удаётся?

— Легко. Они меня друг к другу ревнуют, вот один перед другим и старается, — сказала Сеницына.

— Везёт тебе, Ленка. Умеешь ты с мальчишками обращаться, — с завистью произнесла Майка.

— Это проще простого. Надо только время от времени вешать им лапшу на уши. Петухову — что он самый крутой, а Москвичёву — что он гений местного значения.

— А кто из них тебе больше нравится?

— Да никто! Между прочим, меня сам Вадик Груздев на день рождения пригласил, — похвалилась Ленка.

— Ты пойдёшь?

— Конечно. Груздев — талант, не то что эти придурки. Кстати, он на концерте будет аккомпанировать.

Девчонки ушли, а Женька ещё долго сидел в раздевалке, приходя в себя от потрясения. Значит, он, как последний идиот, истязал себя хоровым пением, а Сеницына лишь посмеивалась над ним? Это был жестокий удар. Он жаждал мщения.

На следующий день Женька подошёл к Петухову.

— Слышь, Петух, поговорить надо с глазу на глаз. Насчёт Сеницыной.

— Чё, драться будешь? Да я же тебя одной левой, — усмехнулся Петухов.

— Очень надо из-за неё драться. Она нас с тобой считает придурками, — сказал Женька.

— Не понял?

— Сейчас поймёшь.

Женька в подробностях рассказал Петухову про козни Синицыной и подслушанный разговор. Пока он говорил, по нахмуренной физиономии Петухова было видно, как в его голове идёт тяжёлая работа мысли.

— Так что мы с тобой на хоре мучаемся, а она Груздеву глазки строит, — заключил Женька.

— Ни фиги себе прикол! Ну я ей покажу. И Груздю этому шайбу начищу, — пригрозил Петухов.

— А дальше что? Тебе же и достанется. Нет, кулаками тут не поможешь. Надо действовать с умом, — таинственно произнёс Женька.

Оставшуюся неделю заговорщики посвятили подготовке к великой мести. На переменках они постоянно о чём-то шептались. Их активность не осталась незамеченной.

— Мальчики, о чём секретничаете? — с любопытством спросила Синицына.

— Сюрприз, — сказал Женька и лучезарно улыбнулся.

На самом деле у них было заготовлено сюрпризов больше, чем у Деда Мороза под Новый год.

Во-первых, Женька купил в магазине приколов подушечку, которая, если на неё сесть, издаёт очень характерный неприличный звук, чтобы оконфузить Груздева, когда тот своей тушей опустится на стул.

Во-вторых, для Синицыной он припас большого лохматого паука, который выглядел вполне натурально. Он планировал подкинуть этого «симпатягу» Ленке за шиворот на сцене во время выступления.

Петухов тоже оказался не лыком шит. Он раздобыл старый сломанный стул. Общими усилиями они сделали ему косметический ремонт — проще говоря, присобачили отломанную ножку так, чтобы она отвалилась не сразу, а продержалась какое-то время. После этого умудрились протащить стул в актовый зал и водрузить его возле пианино.

Но и на этом сюрпризы не заканчивались. В день выступления Юрка подошёл к Женьке и заговорщически прошептал:

— Слушай, я такое притащил! Пойдём покажу.

Ребята нашли уединённое местечко под лестницей, Петухов открыл рюкзак и показал накрытый марлей баллон. В нём извивалась живая змея.

— Ты что, с ума сошёл, она же настоящая! — вытаращился Женька.

— Ну и что? Это же уж. Он безобидный. Клёвый прикол, а? — гордый своей придумкой, сказал Петухов.

— По-моему, лучше оставить паука, — предложил Женька.

— Ты что! — изумился Петухов. — Представляешь, сколько визгу будет, когда Синица найдёт змею у себя в портфеле? Твой паук может просто отдыхать! И потом, что я зря старался, что ли?

— А я что, зря деньги на паука тратил? — в свою очередь возмутился Женька.

— Ладно, пускай паук тоже остаётся. Хорошего никогда не бывает много, — согласился Петухов.

Поднимаясь в актовый зал, Женька заметил, что рюкзак Петухова сильно отощал. Женьку так и подмывало узнать о судьбе тайного груза, но вокруг было слишком много ушей. Приходилось прибегать к конспирации. Женька догнал Петуха и, скосив глаза на рюкзак, коротко спросил:

— Где?

— Порядок, — проговорил Петухов и многозначительно посмотрел на сумку Синицыной.

Операция «Мечь Синице» началась.

К сожалению, даже самые лучшие планы имеют слабые стороны. Когда хористы выстроились на помосте, заговорщики, не сговариваясь, посмотрели на стоящий возле пианино стул и, к своему огорчению, увидели, что их детище, на которое они потратили полтюбика клея и час упорного труда, подменили. Женька решил, что ножка у стула отвалилась и ветерана школьной мебели снова вернули в подсобку. Исчезновение стула — полбеда, ужасно было то, что подушечка испарилась вместе со стулом.

Не подозревая, какого конфуза он избежал, Груздев стоял возле пианино в ожидании начала выступления. Его самодовольная физиономия окончательно вывела Женьку из себя. Ишь, сияет. Морда аж лоснится, никакой «Fairyt» не справится. Обидно: мало того, что этот откормленный вундеркинд ускользнул от мести, вдобавок кто-то стибрил прикольную подушечку. Женька готов был лопнуть от злости, как вдруг его взгляд остекленел.

Он увидел злополучную подушечку и отчаянно пожалел о том, что её не похитили. По закону подлости, ей не нашлось другого места, как на стуле, возле которого стоял директор школы. Семён Михайлович привычно призвал зал к вниманию. Все смолкли. В ожидании предстоящего соло подушечки наступившая тишина показалась Женьке особенно зловещей. Директор сделал знак учительнице пения, что можно начинать, и...

Женька зажмурился, но даже с закрытыми глазами у него не оставалось сомнений в том, что Семён Михайлович сел. В тишине звук прозвучал пронзительно. Приоткрыв глаз, Женька увидел, как директор приподнялся, посмотрел на стул и поднял злосчастную подушечку. В зале раздались смешки, но под суровым взглядом Семёна Михайловича они тотчас смолкли. В воздухе запахло грозой.

Директор, брезгливо держа подушечку за уголок, обвёл пристальным взглядом зал, точно ожидал, что у злоумышленника на лбу высветится надпись: «Это сделал я». Все притихли, но, к счастью, директор решил не омрачать концерт мелкими разборками. Он бросил подушечку под стул и снова кивнул учительнице пения.

Женька вздохнул с облегчением. Он оглянулся и встретился взглядом с Петуховым. Тот стоял чуть поодаль в последнем ряду. У заговорщиков оставалась одна надежда — на паука, но тут они с ужасом поняли, что и эта часть плана находится под угрозой. Само собой, поскольку паук Женькин, он его и должен подбросить. Да только Женьке до Синицыной было ни за что не дотянуться, как говорится, руки короткие, зато Петухов чуть ли не дышал ей в затылок.

Учительница пения взмахнула руками. Раздались вступительные аккорды, и хор ухнул про качели. Нужно было что-то срочно предпринимать. Женька прикинул расстояние между ним и Петуховым и решил, что дело вовсе не безнадежно. Между ними стояло всего пять человек.

Если постараться, то паука можно передать. И Женька решился на отчаянный шаг. Он осторожно опустился на корточки и пополз в сторону Петухова.

В задних рядах возникло заметное оживление. Вылазка Москвичёва вызвала у хористов неподдельный интерес. В основном народ был настроен благожелательно. С любопытством ожидая, чем закончатся эти манёвры и предвкушая небывалое развлечение, все, кто стоял у Женьки на пути, старались ужаться, чтобы дать ему возможность проползти. При этом хористы продолжали с каменными лицами горланить навязший в зубах шлягер с таким видом, что было ясно: за своего товарища они пойдут в огонь, в воду и с радостью лягут на амбразуру.

И только Шмыгунову изменило чувство товарищества. Он до сих пор не мог простить бывшему экстрасенсу сеансов кодирования, поэтому, когда Женька проползал мимо, Шмыгунов тихонько лягнул его в бок. От неожиданности Женька выронил паука, и тот — шлёп, шлёп — перепрыгнул через ступеньку и плюхнулся к ногам Майки. Как ни старайся, до него было не дотянуться. Женька с тоской посмотрел на последнюю надежду отомстить Синицыной и восстановить справедливость, и тут его охватила злость на вредного Шмыгу.

Женька со всей силы двинул Шмыгунова по коленке и тотчас понял, что лучше бы он этого не делал. Оказалось, что мебельный ветеран, которого мстители так любовно подготовили для Груздева, никуда не делся. Задний ряд хористов стоял не на помосте, а на приставных стульях, и злосчастный калека был в их ряду. Мало того, на нём стоял вредоносный Шмыга. В тот момент, когда Шмыгунов дёрнулся для ответного пинка, ножка стула подломилась.

То, что произошло потом, надолго осталось в памяти школы. Подобные легенды живут и передаются из поколения в поколение. Шмыгунов полетел на стоящих впереди, лихорадочно хватаясь за соседей. Те, в свою очередь, повалились на других. Боясь быть раздавленным, Женька отчаянно полез из кучи малы, при этом столкнув тех, кто до сих пор умудрялся устоять. После этого уже было не разобрать, кто встаёт, кто падает, кто лягается, кто получает локтем в глаз. В общем, на правом фланге хора пошла нехилая колотиловка, к которой не преминула присоединиться часть левого фланга.

Пока жертвы искусства награждали друг друга тумачами, героический Петухов изловчился достать паука. Опасаясь, что лучшего момента не представится, он кинул пауком в Синицыну, но паук срикошетил и, отлетев в сторону, плюхнулся на голову Майке. И тут раздался такой визг, что Витас обзавидовался бы. Это было лучшим номером концерта.

В общем, выступление хора прошло на ура. Народ аплодировал в исступлении. Даже если бы выступали все звёзды эстрады, они не получили бы более жарких оваций. На следующий день в школе было только и разговоров, что о концерте.

Правда, Москвичёву с Петуховым крепко досталось за то, что они сорвали концерт, но во всей этой истории были и приятные стороны. Во-первых, что ни говори, а к ним пришла всенародная слава. О них узнали даже старшекласники. А во-вторых, ходить на хор их больше не заставляли.

Обидно, конечно, что Синицына вышла сухой из воды. Даже уж, которого Петухов собственноручно подбросил ей в портфель, куда-то уполз. Мстители головы сломали: куда он мог деться? Впрочем, на следующий день эта загадка была раскрыта. По школе разнёсся леденящий душу рассказ о том, как математичка обнаружила в ящике письменного стола спящую змею.

Потом было долгое выяснение, но руководство школы так и не дозналось, откуда она взялась. К счастью, Женькиного класса разбирательство не коснулось. Никому и в голову не

пришло, что во всей школе было лишь два человека, которые могли пролить свет на эту тайну, но они поскромничали и предпочли промолчать.

«СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ»

Нельзя сказать, что Лёха был везучий. Его частенько преследовали мелкие неудачи, но все они не шли ни в какое сравнение с тем ударом, который судьба уготовила для него на этот раз. Светлана Викторовна, учительница по математике, переехала жить в Лёхин дом. Мало того, её квартира была напротив, дверь в дверь с Лёхиной. Но самое худшее ожидало его впереди. Мама завела со Светланой Викторовной дружбу. По вечерам они гоняли чай, и дело дошло до того, что учительница предложила позаниматься с Лёхой, чтобы подтянуть его по математике. Это в начале летних каникул!

Свалившееся на Лёху несчастье здорово его подкосило. Он ходил угрюмый, и в его глазах читалась тоска пожизненно заключённого. Ребята сидели у Женьки в комнате и думали, что делать, но, как назло, на ум ничего не приходило. Надежда на вольную жизнь ускользала у Лёхи прямо из-под носа.

— Хоть бы она в отпуск уехала, что ли, а то будет тут всё лето торчать! Ни себе, ни людям, как собака на сене. — Лёха с досадой махнул рукой.

При этих словах Женьку осенило. Недаром он был мастером на разные изобретения. Ни один человек в классе не прочитал столько книжек.

— Как же я сразу об этом не подумал! Собака — это как раз то, что нужно! — воскликнул он и бросился к книжной полке.

— Зачем? — с недоверием спросил Лёха. С тех пор как его в детстве покусала собака, он старался обходить четвероногих друзей стороной.

— Сейчас узнаешь. Нам нужна собака Баскервилей! Вот послушай!

Женька достал с полки томик Конан Дойля и, найдя нужное место, начал читать зловещим голосом:

— «Это была собака огромная, чёрная как смоль. Но такой собаки ещё никто из нас, смертных, не видел. Из её отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьём воспалённом мозгу не могло возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана».

По мере того как Женька читал, Лёху всё больше охватывало сомнение в том, что собака Баскервилей — это именно то, чего ему в жизни не хватает.

Когда Женька умолк, Лёха исподлобья посмотрел на него и угрюмо произнёс:

— Ты что, издеваешься? У меня и так горе, а ты ещё тут со своей собакой...

— Да ты только подумай! От такой собаки математичка не то что в отпуск — она, может, вообще из нашего дома с радостью убежит.

Лёха подумал, что от такой собаки он бы и сам с радостью убежал. Между тем Женька дал волю своей фантазии:

— Представь: ночь, темнота хоть глаз коли, туман. Светлана выходит из дома...

— Скажешь тоже, — перебил его Лёха. — Чего ради она ночью в туман из дома пойдёт?

— Ну ладно, пускай без тумана, — согласился Женька и продолжал: — Ночь. Темнотища...

— Не-е, сейчас темнеет поздно, — степенно возразил Лёха.

— Знаешь что, тебе не угодишь. Мне, что ли, каждый день задачки решать? Для него же стараюсь, из кожи вон лезу, а он ещё назло перебивает, — распалился Женька.

Лёха виновато вздохнул:

— Ладно, не сердись. Я же как лучше хочу.

— Будто я хочу как хуже, — съязвил Женька и примирительно добавил: — Так и быть, последний раз предупреждаю. Или ты меня слушаешь, или не перебивай. Находим собаку...

— А без собаки никак нельзя? — робко поинтересовался Лёха.

— Без собаки нельзя, — отрезал Женька.

Лёха понял, что это вопрос решённый.

Между тем Женька заговорщически зашептал:

— Я, Лёха, такое придумал! Математичка тебя не то что от летних занятий освободит, она тебе до конца учебного года пятёрочки будет ставить, да ещё и благодарить при этом.

Начало Женькиной идеи звучало заманчиво. Лёха обратился в слух, а Женька продолжал:

— Выходит математичка вечером из дома, а на неё — чудовище. По заливку огонь. Из пасти пламя. Клычищи — во! Она в крик. И тут... — Женька выждал подобающую паузу и торжественно произнёс: — Появляешься ты!

— Кто?! Я?! — спросил Лёха с неподдельным изумлением.

— Ну да, как будто ты случайно во дворе прогуливаешься.

— Не хочу я нигде случайно прогуливаться, и вообще почему я?

— Потому что она тебе летние каникулы портит, а не мне, — заявил Женька.

— Да ладно, я её уже простил, — великодушно сказал Лёха.

Женька оценивающе посмотрел на него и произнёс:

— Ты, Лёха, благородный.

Лёха не стал возражать, а Женька продолжал:

— Математичка ещё прощения просить будет за то, что к тебе с задачками приставала, когда ты её от собаки спасёшь.

Стоило Лёхе представить, как он спасает Светлану Викторовну от собаки Баскервилей, как прилив благородства сменился у него приступом скромности.

— Никакой я не благородный, — смиренно сказал он.

— Молодец! По-настоящему благородный человек сам себя хвалить не станет, — сказал Женька и похлопал его по плечу.

Быть благородным Лёхе было бы намного легче, если бы не собака, и он ухватился за последнюю соломинку:

— А где мы баскервиля возьмём? Это небось порода редкая.

— Порода тут ни при чём. Собаку мы возьмём самую обыкновенную, намажем её светящимся составом, и готово!

При этих словах Лёха воспрянул духом:

— Так бы сразу и сказал, что обыкновенную, а то я уж испугался... что породу такую не найдём. А так Муха подойдёт.

Муха была любимица двора. Она так приветливо вертела хвостом-бубликом, что её даже Лёха не боялся. С такой собакой одно удовольствие совершать благородные поступки, но оказалось, Лёха радовался преждевременно.

— Ты что? — воскликнул Женька. — Думаешь, Светлана дурнее тебя и Муху не узнает?

— Но ведь мы её светящимся составом намажем. Другой-то у нас всё равно нету, — нерешительно развёл руками Лёха.

— Это у тебя нету, а у меня есть, — заявил Женька.

— Собака?

— Идея. Собаку мы попросим у тёти Вали с четвёртого этажа.

Лёха с ужасом вспомнил огромного поджарого дога по прозвищу Граф и с надеждой в голосе сказал:

— Она его, наверное, не даст.

— Не беспокойся. Я всё устрою. Она ещё рада будет, если мы его выгуливать возьмёмся.

— А вдруг он не разберётся, что к чему, и бросится на меня? — забеспокоился Лёха.

— Мы его к тебе приручим, — успокоил друга Женька.

Через два дня Женька с видом победителя вышел из дома, ведя на поводке Графа. Оказалось, что приручить Графа к Лёхе гораздо легче, чем приручить Лёху к собаке. Вблизи Граф казался ещё страшнее, чем издалека. Но мало-помалу Лёха освоился.

— А где мы светящуюся смесь возьмём? — осведомился он.

— Вот, — победоносно сказал Женька, доставая из-за пазухи пакет.

— Чёй-то? Рыба? — Лёха в недоумении уставился на обезглавленного минтая.

— Сам ты — рыба. Это продукт, где больше всего фосфора, соображаешь?

Проведём научный опыт. Дадим рыбу Графу и посмотрим, будет у него пасть светиться или нет.

Лёха скептически усмехнулся:

— Я и без твоей науки знаю, что не будет. Я часто рыбу ем и ещё ни разу не светился.

— Мало ли что ты не светился! Ты что, сырую рыбу ешь, сырую, да? — вскипел Женька.

— Ну жареную.

— То-то и оно, что жареную. А где ты слышал, чтобы жареная рыба светилась?

Такого Лёха не слышал, и эксперимент начался. Женька протянул Графу рыбу, тот понюхал, фыркнул и отвернулся.

— Наверное, неголодный, — предположил Лёха.

— Давай проверим. У вас колбаса есть?

— Есть.

— Тащи, — приказал Женька.

Лёха принёс кусок колбасы. Оказалось, что Граф не такой уж сытый. Он мгновенно слизнул колбасу, однако от рыбы наотрез отказался. Женька и приказывал, и угрожал, и уговаривал — всё без толку.

— А может, попробовать его колбасой заманить, а потом незаметно рыбу подсунуть? — предложил Женька.

Лёха ещё пару раз сбегал за колбасой, после чего Женька решительно заявил:

— Так дело не пойдёт. Пока ты бегаешь туда-сюда, мы только время зря теряем. Лучше сразу всю колбасу неси, мы её тут порежем.

— А что я маме скажу?

— Не бойся, не съест же он её целиком. Что останется, домой унесёшь. Мама даже не заметит.

Как только Лёха перестал делать пробежки домой и стал кромсать колбасу прямо на месте, дело пошло быстрее. Колбаса, в отличие от рыбы, убывала с потрясающей быстротой. Как раз, когда Женька готов был сунуть рыбу в пасть Графу, случилось непредвиденное: колбаса кончилась.

— Эх, жалко! — с досадой сказал Женька.

— Ещё как! — мрачно подтвердил Лёха, думая о том, как он будет оправдываться перед мамой.

— А чего у вас ещё вкусного есть? — спросил Женька.

— Пастила, — сказал Лёха и поспешно добавил: — Но собаки пастилу не едят.

— Ты что! Пастилу едят все, — заверил его Женька и оказался прав, пастилу действительно ели все, и поэтому она кончилась гораздо быстрее колбасы.

Покончив с пастилой, ребята увидели, что рыба исчезла, зато неподалёку сидел здоровенный рыжий котик, который оказался не таким привередой, как Граф, и урча поедая продукт эксперимента.

— Ах ты ворюга! — крикнул Женька. Догадавшись, что обращаются к нему, и не желая вступать в конфликт, кот схватил рыбу и отбежал подальше.

— Ну сейчас я тебе покажу! — пригрозил Женька. — Граф, взять его!

Граф лениво посмотрел на кота, потом на Женьку, как бы спрашивая:

«А на что он мне нужен?» — и, отойдя к столбу, поднял лапу.

— Граф, фас! Ещё собака называется! — зывал Женька к собачьей гордости, но безрезультатно. Тогда Женька скомандовал: — Лёха, окружай его!

Лёха потрусил окружать кота. Граф, видимо, подумал, что это игра, и тоже бросился к коту. Кот выгнул спину, громко зашипел и, бросив рыбу, стрелой взметнулся на дерево.

Женька поднял обглоданный рыбий хвост. Эксперимент был под угрозой срыва, но вдруг Женька просиял:

— Слушай, нам даже повезло, что кот рыбу съел. На нём и проверим, будет он светиться или нет. Давай его изловим и в подвал отнесём. Там в темноте сразу будет видно.

— Как же мы сразу не додумались! Зря только колбасу извели, — пробурчал Лёха.

Однако изловить кота оказалось не просто. Кот сидел на дереве, всем своим видом показывая, что спешить ему не-куда и слезать он не собирается.

— Сейчас я его шугану, — сказал Женька и полез на дерево.

Заподозрив неладное, кот вздыбил шерсть и с сердитым подвыванием отполз подальше, а когда путь к отступлению был отрезан, истошно заорал, спрыгнул с дерева и бросился в подвал. Женька и Лёха поспешили за ним. В подвале была кромешная темнота.

Кот не светился.

— Ничего, так даже лучше, — не унывал Женька. — Всё равно Граф рыбу не ест. Мы бы с ним ещё намучились. И вообще, если бы это было так просто, каждый бы тут ходил светился, когда ему вздумается. Фосфор лучше выпаривать.

Способ, предложенный Женькой, был до гениальности прост. На кухне у Лёхи Женька положил на сковородку несколько рыбёшек, накрыл их крышкой и поставил на медленный огонь.

— Теперь только успевай фосфор с крышки соскабливать, — с видом знатока сказал он.

— А рыба не изжарится? — спросил Лёха.

— Много ты понимаешь. Жарят с маслом, а без масла она будет выпариваться.

Сначала рыба вела себя вполне сносно. Она скворчала на сковородке, а Женька поминутно заглядывал под крышку и говорил:

— Воды много. Как только выкипит — начнёт выпариваться.

Ждать без дела было скучно. Добытки фосфора перешли в гостиную, включили телевизор и стали щёлкать переключателем в поисках чего-нибудь интересного. По одной программе шёл забойный боевик. Судя по всему, дело близилось к развязке. Главный герой мочил всех

направо и налево. Позабыв обо всём, ребята приникли к экрану.

Вдруг Лёха принюхался:

— По-моему, горит.

Женька и Лёха бросились на кухню. Всё было окутано едким чадом. Эксперимент пришлось прекратить. Борясь с приступами кашля, Женька поспешил выключить газ, а Лёха распахнул окно. Полотенцами они выгнали гарь из кухни, и, только когда дым рассеялся, Женька вспомнил про фосфор. Он открыл сковородку, на которой сиротливо лежали чёрные угли. Крышка была покрыта толстым слоем копоти. Помолчав минуту, Женька скорбно изрёк:

— Ничего, даже у великих учёных бывали неудачи. Завтра что-нибудь придумаем.

Но ничего они назавтра не придумали, потому что вечером соседи пожаловались Лёхиной маме, что из окна их квартиры валил дым, а потом мама обнаружила отсутствие большой сковороды, а чуть позже пропажу колбасы и пастилы.

Три дня Лёха сидел дома. С утра он делал упражнения по русскому, а вечером над ним измывалась Светлана Викторовна. Только на четвёртый день его выпустили погулять. Не успел Лёха выйти во двор, как нос к носу столкнулся с Женькой. Тот весь сиял. На лице его крупными печатными буквами читалась идея.

— Привет, старик! А я как раз к тебе бегу. Я тут такое придумал! — воскликнул он.

— Не, я больше фосфор добывать не буду, — наотрез отказался Лёха.

— Какой ещё фосфор? — не понял Женька.

— Ну для баскервиля. Математичку этим не прошибёшь. Она с ремонтом затеялась и на лето ни за что не уедет.

— А нам и не надо, чтобы она уезжала! — беспечно сказал Женька. — У меня идея не то что твой баскервиль. Закачаешься! Пока ты там прохлаждался, я такую книгу прочитал!

При упоминании о книге Лёхе стало не по себе, а Женька уже протягивал ему серый томик, который мог спасти его от домашних заданий на лето. На обложке было написано: Жюль Верн. «На воздушном шаре вокруг света».